

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ГВАРДЕЕЦ

ДМИТРИЙ ДАШКО

ГВАРДЕЕЦ

«КРЫЛОВ»

Дмитрий Дашко
Гвардеец
Серия «Гвардеец», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605775
Гвардеец: Крылов; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9717-0936-7

Аннотация

На дворе лето 1735 года. «Бироновщина» – страшное время для страны. Люди исчезают по ночам, дыба и раскаленные клещи палача в Тайной канцелярии не знают отдыха. Смутный период накануне русско-турецкой войны, когда ловкий и предприимчивый человек со шпагой и пистолетом может круто изменить свою судьбу – и судьбы страны. Курляндский барон Дитрих фон Гофен, решивший попытать счастья в «варварской и дикой Московии», готов рискнуть головой и пройти любые испытания, чтобы предотвратить дворцовый переворот «дщери Петровой» – беспутной Елизаветы. Здесь и сейчас, на топких берегах молодой имперской столицы, в свете чадающих светильников, в бальных залах дворцов и в душных кабаках, куется новое будущее России, новое будущее всего мира. Если ты настоящий гвардеец и не умеешь отступать – возьми судьбу за горло и поверни маховик истории!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Дашко

Гвардеец

Светлой памяти моего отца, кадрового офицера Российской армии посвящается!

Царствие Небесное тебе, папа!

Автор выражает свою благодарность всем посетителям журнала «Самиздат» Максима Мошкова, тем, кто принял самое горячее обсуждение на форуме «В вихре времен» <http://mahrov.4bb.ru> и на «Военно-Историческом форуме» <http://www.reenactor.ru>.

И особенно замечательному писателю Алексею Волкову, всезнающему Василию Анисимову, многоумудрому и отзывчивому Константину Козюренку!

Глава 1

Денек сегодня выдался погожим – солнышко, на небе ни облачка. Эх, сейчас бы искупаться в реке, а потом валяться на пляже, поджариваясь, как курица в гриле. И ме-е-едленно-ме-е-едленно переворачиваться...

Дзи-и-инь...

Я снял трубку телефона и произнес заученную фразу:

– Отдел продаж, слушаю...

– Гусаров, ты?

– Я, Сан Саныч. – Низкий баритон шефа я бы узнал из тысячи.

Правда, в обычно вежливых его интонациях проскальзывало плохо завуалированное недовольство. Что-то мне это уже не нравится. И тучи откуда-то на горизонте нарисовались, закрыв сплошной завесой солнце. Ой, не к добру.

– Поднимись ко мне.

В его устах это звучало как классическое «Сидоров, с вещами на выход».

Я отклеился от стула, машинально поправил взъерошенные волосы (дурацкая привычка запускать пятерню в прическу) и пошел к дверям, ощущая спиной сочувственный взгляд Мишки Каплина, сослуживца, с которым уже второй год делю помещение размером два на четыре метра, носящее гордое название «Отдел продаж».

Секретарша Ирочка набирала что-то на компьютере с такой скоростью, что любой пулемет бы от зависти перегрелся.

– Как шеф? – спросил я, склоняясь над ней.

– Как с цепи сорвался, – сообщила, не отрываясь от монитора, Ирочка. – Рвет и мечет. Сперва рвал Симонова из планового, теперь тебя будет.

– Спасибо, Ира. Умеешь поднять настроение.

– Всегда пожалуйста, – равнодушно ответила девушка.

Раньше она была не такой. Зря я ее, как говаривал Мишка, «поматросил и бросил». Хотя, с другой стороны, еще разобраться надо, кто с кем и чем занимался. И не уверен я как-то, что это я с ней порвал, а не она умело подвела отношения к такому дурацкому финишу.

– Сан Саныч, вызывали?

– Вызывал, Гусаров. Проходи садись.

Александр Александрович Воскобойников – директор и вообще, по словам уборщицы Ньюши, «видный мужчина», – восседал за письменным столом с видом стервятника, выбирающего, чем бы поживиться.

Я сел в кожаное кресло напротив, изобразив полную заинтересованность и готовность сорваться с места по первой же команде.

– Что это такое, знаешь? – Шеф потряс перед моим носом коричневой папочкой, сквозь которую просвечивали листы бумаги.

– Знаю, Сан Саныч, – кивнул я. – Проекты договоров. Я сам составил их на прошлой неделе и принес вам на рассмотрение. К ним и записка сопроводительная прилагалась. Гарантированная прибыль от сделки – тридцать, а то и сорок процентов. Я все просчитал.

– Нет, Гусаров. Не все ты просчитал, – устало вздохнул шеф. – Ты занимался арифметикой, а тут алгебра нужна, дифференциальные уравнения, синус с косинусом и параллельные прямые, пересекающиеся в несобственной точке.

– Сан Саныч, мне бы по-русски...

– По-русски... – Шеф хрустнул пальцами. – По-русски покрыть бы тебя матами в три слоя надо, но тебя ж не проймет, ты ведь у нас не слюняй-интеллигент, спортом занимаешься. – Он окинул мою тренированную фигуру взглядом, не предвещающим ничего хорошего, и неожиданно спросил: – У тебя какой рост?

– Метр девяносто, – опешив, произнес я.

– Вот видишь. Метр девяносто, вымахал оглоблей, а ума как у дитя малого. Ты пословицу такую слышал – «Не лезь поперед батьки в пекло»?

Я кивнул.

– Ну так не лезь не в свое дело, Гусаров. Это я тебе как начальник говорю, а как человек добавлю, что бабки в нашей конторе платят за то, чтобы вы, сотрудники, делали только то, что сказано. Инициатива у нас наказуема, причем не исполнением, а штрафами. Ты ведь целую ораву в лучшем ресторане кормил, поил, уговаривал. Так?

– Было дело.

– Все за свои денежки, разумеется.

– Конечно, Сан Саныч.

– Думал: заключу договорчики, комиссионные заимею.

– Как же без этого...

– А так. Не нужны нам эти договора, пускай даже с сорокапроцентной прибылью. Не будет никаких комиссионных. Я ведь предупреждал. Ты чем, кроме партизанщины, занимался?

– Э... с «Инвест-сервисом» работал.

– Вот и работай с ними дальше. Закончишь – приходи, скажу, что еще делать надо. Премии лишать тебя, Гусаров, на первый раз не буду. Ты и так себя наказал счетами из ресторанов. Можешь идти.

Я развернулся и грустно поплелся к выходу, однако голос шефа развернул меня на сто восемьдесят градусов.

– Подожди, Гусаров. Это от меня, в качестве компенсации, – Сан Саныч протянул белый конвертик. – Хороший ты парень.

– Спасибо. – Я взял конверт и вышел из кабинета.

М-да, не ожидал от шефа такой чуткости. Не удержался, вскрыл конвертик на выходе, с умилением посмотрел на зеленые бумажки. Триста американских рублей. Вовремя, стоит заметить. От зарплаты остались рожки да ножки, еле-еле на хлеб и бензин хватает.

Ирочка выглядела недовольной, на ее лице там и сям образовались хмурые складочки и морщинки, превращая ее в молодую старушку.

– Что-то ты подозрительно легко отделался, Гоша. Быстро тебя шеф выгнал, да и крика не слышно было, – «доброжелательно» сказала она.

Я понял, как можно прищучить Ирочку, и не стал терять времени впустую:

– А зачем нам с Сан Санычем кричать? Наши дела тихо делаются. Хочет меня заместителем по кадрам поставить, просил, чтобы я ему секретаршу новую подыскал. Недоволен он тобой, Ира. Распустил, говорит.

И, оставив озадаченную Ирину открывать и закрывать рот, спустился к себе.

Мишка Каплин успел к моему приходу нагреть чайник.

– Чай, кофе, потанцуем?

– Потанцуем, – грустно сказал я. – Камаринского или гопака. Тебе что больше нравится?

– Хава нагила. Чего случилось-то, Игорь? – с сочувствием спросил Мишка.

Мне всегда нравился этот длинный нескладный мужик с умными понимающими серыми глазами, высоким лбом мудреца и крючковатым носом. Его семья в полном составе укатила в Израиль в начале девяностых, когда казалось, что бывшему Союзу пришел окончательный и безоговорочный трындец. Но Мишка остался. Из упрямства или чего другого – не знаю, он не любит разговаривать на эту тему. И только за это я готов его уважать всю жизнь – хотя родственнички каждый месяц заваливают Каплина письмами, в которых рассказывают о том, как хорошо устроились на земле обетованной, и намекают, что не мешало бы ему последовать их примеру.

– Шеф политику партии обрисовал. Пояснил, что с нашим рылом в калашном ряду делать нечего.

– И правильно сделал, – помешивая ложкой кофе в чашке, сообщил Мишка.

– Почему?

– Да потому, – с видом Нострадамуса изрек Каплин. – Ты что о нашей фирме думаешь?

– Фирма как фирма.

– «Рога и копыта», вот что такое наша фирма, – торжественно объявил Мишка. – Я подольше тебя здесь работаю и постепенно понял, что мы вроде прикрытием служим. Кто-то с нашей помощью деньги отмывает, а может, и от налогов уходит. Есть способы... Думаешь, Сан Саныч тут главный? Нет, есть кто-то повыше его, и я догадываюсь, кто именно. Сказать?

– Не надо, Миша, – попросил я. – Меньше знаешь – крепче спишь. Я тоже что-то вроде этого подозревал. Сделка, которую шеф зарубил, была пробным шаром. Судя по реакции Сан Саныча, ты прав на все сто. Сваливать надо отсюда, пока не поздно.

– Верно, – кивнул Мишка. – Вопрос – куда.

– А вот над этим агхиважнейшим вопгосом я и буду думать, – копируя картавость и интонации Владимира Ильича, толкающего знаменитую речь на броневишке, ответил я.

Мысли, заразы, в голову не лезли. Вернее, лезли, но не те, что надо. Я вернулся к компьютеру, пощелкал мышкой монстриков из игрушки, ставшей в офисе надежным средством убивания времени, когда шеф занят, а тебе глубоко фиолетово, и принялся настраиваться на нужный лад.

Для начала подумаем о чем-нибудь грустном. Первая любовь... да ну ее тудить-рас-тудить в качель. Выставил себя дураком по полной программе, аж в краску бросило.

Вспомнил, как остался после службы в армии безработным, и невольно содрогнулся. Нет, надо что-то делать. И сразу мозг в нужном направлении заработал.

На столе, за которым обычно пили кофе, лежала кипа газет с бесплатными объявлениями в цветных рамочках. Посмотрим ситуацию на рынке труда. Итак, несмотря на мировой кризис и прочие гадости, городу требуются слесари-монтажники, каменщики и разнорабочие. Это не для меня. Трудиться в разного рода «шараш-монтажах» за копейки... Лучше

удавиться на собственном галстуке или съесть его сразу по примеру президента одной мал-энкой, но очэн гордой страны.

Как насчет офисного планктона? ООО «Так-растак» ищет инженера-сметчика. Ну да, если я пойду на эту должность и начну составлять сметы, они лет двадцать потом будут долги кредиторам раздавать. Пожалею и не обременю звонком.

«Таможня ищет...». За державу, конечно, обидно, но я прекрасно помню, чем закончил Верещагин. Ретивых служак городские «басмачи» подорвут если не на буксире, так за рулем авто точно. И себя жалко, и «Приору» мою тоже. Только-только кредит отдал.

Не подобрав ничего путного, решил обзвонить друзей. С кого бы начать? Пожалуй, с Лешки. С его связями найти подходящую непыльную работенку – раз плюнуть.

Мы знакомы еще с садика, как говорится – сидели на одном горшке. После школы пути разошлись: я стал студентом иняза, а он ударился в коммерцию, да так удачно, что обзавелся и трехэтажным коттеджем, и «бомбой» последней модели, не считая кругленького счета в банке и, самое главное, кучи полезных знакомств. Когда-то Леха звал к себе в фирму, но я знал, что пойти к нему работать – все равно что потерять друга, и отказался.

Встречались мы регулярно. Оба подсели на фехтование и коротали вечера в спортивном клубе с заезженным названием «Три мушкетера». Разумеется, у Лешки сразу поперла масть. Он стал мастером спорта, а я все еще ходил в кэмээсах. Не было поединка, в котором друг бы не сделал из меня такую полезную в хозяйстве вещь, как дуршлаг.

Не знаю, чем нас привлек этот вид спорта. Возможно, в детстве начитались Дюма и насмотрелись по телевизору Боярского в роскошных мушкетерских одеждах, крутившего лихой ус одной рукой, а второй протыкавшего шпагой очередного гвардейца кардинала.

Лехин телефон ответил не сразу. Сначала пришлось прослушать приторную как патока мелодию вместо гудков, только потом я услышал голос приятеля:

– Привет, Игорь. Как дела?

– Как сажа бела, – отшутился я.

– Случилось что? – встревожился Леха.

– Пока нет, но непременно случится. Только, Леша, разговор не телефонный. Свидеться бы надо.

– Ты на работе?

– А где же еще!

– Тогда, как освободишься, подъезжай ко мне.

– Домой?

– В офис. Я все равно буду часов до девяти вечера здесь. На машине?

– Сегодня без колес. На гарантийку поставил, завтра забираю.

– Хочешь, пришлю за тобой шофера? – совершенно искренне предложил Леха.

Я фыркнул:

– Смеешься, что ли? Моего шефа кондратий хватит, как только увидит, что у его подчиненных транспорт с личным шофером. Я лучше тачку вызову.

– Как знаешь. Я тебя жду.

– До скорого. – Я отключил мобильник, крутанулся в кресле и окинул тоскливым взором комнатушку.

А ведь тяжело будет уходить отсюда. Привык за два года, прикипел. И Мишку жалко до дури. Он мужик умный, но не пробивной. Таким в жизни трудно. Ладно, если устроюсь нормально, перетащу его к себе.

До конца рабочего дня оставалось меньше двух часов. Я провел это время с пользой: рыскал в Интернете, «стучался» в аськи знакомых и не подозревал, что скоро жизнь моя круто переменится, да еще самым невероятным образом.

Глава 2

Смотрел я когда-то в детстве смешное итальянское кино про бедолагу Фантоцци с Паоло Виладжио в главной роли. Помню первые кадры: заканчивается рабочий день в многоэтажной офисной башне, толпа народа несется по ступенькам, опрокидывая зазевавшихся, из окон выбрасывают веревки, канаты, по ним спускаются разгоряченные сотрудники, спешащие домой, а кое-кто из нетерпеливых прыгает на батут, стоящий на земле.

Я же вышагивал к выходу с грацией прирожденного монарха. Пять минут погоды не делают.

Заказанное по телефону такси – желтая замызганная «Волга» с шашечками – стояло у тротуара как раз на том месте, где обычно парковалась моя «Лада». Но сегодня я безлошадный, даже непривычно. Ничего не попишешь, личный автомобиль круто меняет характер человека. Без четырех колес все равно что без рук. Давно ли я обзавелся «Приорой» – пожалуй, и года нет, но еще немного, и стану как Леха. В прежние времена он не был таким большим и важным. От отца в наследство ему досталась старенькая «восьмерка». Бывало, жена отправляет Леху за хлебом в магазин, который находится в сотне метров от подъезда направо. Леха спускается, топает сто метров влево, берет машину со стоянки, доезжает до магазина, покупает хлеб, возвращает «восьмерку» на прежнее место и поднимается домой.

Шофер деловито вытирал лобовое стекло тряпочкой.

– Простите, вы по заказу? – на всякий случай уточнил я перед тем, как открыть дверцу.

– Да, – подтвердил таксист. – А вы, значит, мой клиент?

Пришла моя очередь кивать.

– Садитесь, я скоро, – предупредил водителя. – Вот погода гадская!

Он закончил стирать размытые потеки на стекле и хлопнул своей дверью.

– Двигаем, – сказал я, размещаясь справа от водителя.

За что люблю «Волгу», так это за габариты, подходящие для крупных мужиков вроде меня. И внешность у газовского изделия, может, для кого неказистая, а на мой взгляд – чистой воды ретро-классика. Жаль будет, если совсем с производства снимут, тогда в прошлое уйдет целая эпоха, и не самая плохая, между прочим.

Таксист завел двигатель.

У него было лицо типичного уроженца гор. Скуластый, нос с горбинкой, густые, похожие на гусениц брови и глаза острые как кинжалы. Когда на Кавказе войнушка в полную силу разгорелась, много таких к нам, в среднюю полосу, переехало. Устали люди от постоянного напряжения, пальбы за окнами и бэтээров на улицах. Простой вопрос наклеывается: стоило ли из-за этого большую страну разваливать, чтобы она кровью в уголках умылась?

– Куда везти? – спросил таксист, трогаясь с места.

Улица здесь односторонняя, при любом варианте придется ехать полкилометра до светофора, а уж от него потом по сторонам, как по розе ветров, разъезжаться.

Я назвал адрес Лешкиного офиса.

– Это на другом конце города будет. Далеко. Заплатите как через район, – предупредил «горец».

– Не обижу, – уверил я. – Зря к Советскому проспекту поворачиваете, в пробках до утра простоим.

– А мы дворами проедем. Не беспокойтесь, я город как свои пять пальцев знаю.

– Давно вы у нас?

– Года три, наверное. Сначала на стройке калымил, потом спину сорвал и в таксопарк ушел, баранку крутить. Полегче стало: и работа нормальная, и клиент, бывает, щедрый попадает. Не всегда, конечно... – На лице таксиста мелькнула грустная улыбка. – Я ведь на

себя и не трачу почти, так, по мелочи... Планы у меня на будущее. Как денег накоплю, куплю квартиру и семью перевезу.

– А что, большая семья?

– У нас маленьких-то и не бывает, – усмехнулся шофер. – Не принято. Это вы, русские, одного родите и думаете, что подвиг совершили. Глупые, счастья своего не понимаете.

– А что, разве в детях счастье?

– А как иначе? – вопросом на вопрос ответил таксист. – Когда по тебе мал мала меньше ползают, тогда только и понимаешь, что рай и на земле быть может.

– Понятно. У меня все еще впереди, холостой я, – хмыкнул я, бросив мимолетный взгляд в боковое окно.

Вдоль дороги по тротуару женщина катила красную коляску, навстречу им высокий мужчина вез на шее довольного малыша. Как нарочно!

– Музыка не мешает? – спросил водитель, крутя ручку допотопного радиоприемника.

– Нет, – признался я. – Только, пожалуйста, не слишком заунывную.

– Я и сам такую не люблю. Засну еще за рулем ненароком. Но и молодежную современную «тынц-тынц» тоже не очень. Ее слушать разве что под большим кайфом можно. Знаю таких: таблеток наглотаются, колонки на всю мощность и по газам до первого поста ГАИ или до того, кому не повезет на пути оказаться.

Разговор, завязавшийся сам собой, продолжился и перекинулся на текущую ситуацию.

– Вот скажите, вы же умный человек, – горячась, спрашивал таксист, – почему у нас в стране по ящику говорили, дескать, бензин в цене вырос, потому что нефть дорожала, евро скакал, а бакс падал? Сейчас все с точностью до наоборот, а бензин дешевле не становится. Скинули рупь и все...

– Хороший вопрос, – хмыкнул я. – Самому интересно. Знаю только одно, если кому-то надо цену поднять, повод всегда найдется: луна не в той фазе находится или у тещи настроение плохое. А так экономика – дело темное. Взять, к примеру, последние события – двадцать миллионов американских негров набрали кредитов и не могут отдать, вроде бы какое нам дело до ихних бомжей, а гляди-ка, весь мир трясет, как припадочного.

– А как думаете, что надо сделать, чтобы кризис поскорее закончился? – с надеждой спросил водитель.

Мы с Мишкой Каплиным не раз и не два терли между собой эту тему, так что вопрос меня врасплох не застал:

– Поддерживать не банки, а реальных производителей. Все деньги, что вложат в банковскую сферу, либо заморозят на счетах, либо выведут за границу. До наших фабрик и заводов в итоге ничего не дойдет. Какие отрасли в настоящее время испытывают спад? Строительство, металлургия, автомобилестроение. Почему бы вместо того, чтобы опять надувать мыльный пузырь, не заняться системой госзаказов? Стране хорошие дороги нужны?

– А то, – усмехнулся таксист.

– Тогда зачем поить и кормить спекулянтов со всяких бирж? Делаем госзаказ миллиардов так на пятьдесят «зелени», включаем в него мосты, дороги и прочее. Еще на такую же сумму строим дома для бюджетников, вкладываем столько же в оборонку. Тогда начинает работать стройка, у нее возникают заказы – включается металлургия, машиностроители. Глядишь, и остальные отрасли подтянутся.

– Складно получается. Но ведь сами знаете – у нас вор на воре сидит и воров погоняет. С рубля половина на откаты уйдет.

– Это верно, – согласился я. – Сволочей возле кормушки у нас предостаточно. Сколько ни сажай, только прибавляется. А все почему? Потому что знают они – если адвокатам не удастся отмазать их от суда и следствия, то в лучшем случае припаяют им приговор года на

два-три условно, а уж если посадят, так выпустят в скором времени за примерное поведение, еще и камеру дадут со всеми удобствами – телевизором, холодильником, микроволновой плитой и баром. Безднаказанность – она только развращает. Пора, пожалуй, у нас снова смертную казнь вводить. Поймали тебя с ладошками, на которых спецкраской отпечатались слово «взятка», скрутили ручки и ножки и, помолясь, на расстрел утречком.

– Так ведь это... – запнулся шофер, – не боитесь, что снова тридцать седьмой год наступит?

– А чего я должен бояться? Нас этим тридцать седьмым годом как жупелом пугают, а собственно, что тогда было: одну обойму госчиновников пересажали и перестреляли, а другую на их место посадили. Только те товарищи, чьи задницы устроились в нагретых креслах, перед глазами имели наглядный пример – чего можно и чего ну никак не стоит делать, ни при каких обстоятельствах. Не удивлюсь, если именно по этой причине мы победу в Великой Отечественной зубами у немцев вырвали.

– А простые люди? Они что – не пострадали?

– Почему не пострадали? Еще как пострадали! Только все это происходило и задолго до тридцать седьмого года, да и после него тоже. Однако у нас почему-то размахивают именно этим злосчастным годом, хотя, проводи такого рода зачистку нашего госаппарата сегодня, вся страна бы в едином порыве рукоплескала.

– Пожалуй, что верно... – Таксист надавил на тормоз. – С вас сто двадцать рублей.

Машина плавно остановилась. Надо же, не заметил, как приехали.

Офис Леха снимал знатный, в здании еще сталинской постройки. Эх, умели же тогда на совесть строить – с колоннами, арками, лепниной. На века делали, чтобы потомки с гордостью взирали, дедами, отцами гордились. Посмотришь на эдакую красоту и монументальность: душа радуется, на возвышенное тянет. Не то что хрущобы и современная панельно-кирпичная серость, запленившая городские улицы после смерти друга всех детей и физкультурников.

Если архитектура отражает дух эпохи, какое впечатление останется от наших, слепанных из сэндвич-панелей торговых центров, ржавеющих палаток и унылых квадратиков жилых кварталов? Не будет ли стыдно за нас нашим детям?

Я расплатился с шофером, поднялся по ступенькам крыльца, толкнул покрытую светло-коричневым лаком массивную деревянную дверь, похожую на те, что ставили на старых станциях питерского метрополитена, сделал шаг и...

Темнота, страшная боль, непонятное состояние, будто гигантский пылесос засасывает меня в прожорливое чрево. Замигали огни, как на взлетно-посадочной полосе. Много огней, таких ярких, что глаза не выдерживали света. Я пытался зажмуриться, но ничего не получалось. Обжигающий свет огней словно проник в черепную коробку, взрывая изнутри. Постепенно их размеры увеличились, они превратились в сплошной шар, похожий на лаву, извергающуюся из разбухшего вулкана.

– Ты в порядке? Что с тобой?

Кто-то громко и испуганно говорил, но это точно не я. Так. Попробуем разобраться, что приключилось. Солнечный удар? Голову напекло или недоброжелатель в подъезде попался? Ничто так не прочищает мозги, как бейсбольная бита. Не помню, где и когда прочитанная дурацкая шутка.

Я обнаружил, что лежу лицом вниз, на сырой земле, уткнувшись в прелые листья. Не понял... Что за бардак, почему в солидном здании валяется сгнивший мусор? Это я не про себя, про листья.

Гнать уборщиков, как их там нынче – менеджеров клининг-сервиса, метлой поганой. А может, я на улице?

В пользу последнего говорило пение птичек над головой и весь в потрескавшейся коре ствол дерева, не скажу какого – у меня по биологии четверки разве что по праздникам были. Дуб от березы отличу, ель от сосны тоже, а с остальной флорой путаюсь, причем сильно. Так, на чем остановился? Ага, на дереве, которое нахально торчит перед носом. Как говорил мой незабвенный преподаватель высшей математики, когда ему было лень «брать» интегралы, ибо этот «увлекательный» процесс мог занять полпары: «В результате элементарных преобразований получаем...» После этих слов он смело писал на доске ответ.

Итак, в результате элементарных преобразований получается, что я врезался в дерево. Железная логика. Только откуда оно взялось?

– Дитрих, как ты? – зазудел голос над ухом.

Я что, не один здесь болезный, еще и Дитрих какой-то имеется? Выходит, кроме меня тут еще и иностранцы появились. Странно, Леха вроде дел с забугорьем не вел. Хватит задавать вопросы, пора получать ответы.

Сразу подняться на ноги не удалось, путь к человеку прямоходящему лежал через стандартные детские четвереньки. Кто-то подхватил за плечи, помог распрямиться.

Я увидел взволнованное лицо молодого парнишки, совсем еще сопляка. Он смотрел на меня если не с ужасом, так с испугом точно:

– Дитрих, я думал, ты умер.

– Насчет Дитриха не знаю, а я вроде живой, – сказал я и едва не умер на самом деле.

Мало того, что мы стояли в лесу, так еще на нас двоих были клоунские прикиды: толстая непонятная хламида коричневого цвета с манжетами навывпуск, кожаные штаны вроде рокерских, заправленные в один из предметов женского гардероба – высоченные сапоги-ботфорты со шпорами. Голову паренька украшала шляпа с перьями. Другая, очевидно, принадлежала мне. Она валялась неподалеку в ворохе листьев.

Если бы Леха меня увидел – даже не знаю, за кого принял бы. За педика или пациента славного заведения имени Кащенко.

Неподалеку стояла оседланная лошадь. Флегматично щипала травку, не обращая на нас ни малейшего внимания. Ну, хоть она, кажется, нормальная.

Ничего не понимаю. Предположим, я сплю, однако разве бывают сны такими детальными? Есть еще вариант – действительно крыша поехала.

Мне довелось жить неподалеку от психоневрологического интерната, в котором мама работала бухгалтером. Психи преспокойно бродили где заблагорассудится, бывали и у нас дома. Я тогда много чего насмотрелся. Один, по фамилии Камагин, изображал машину, держался руками за воображаемый руль, переключал передачи, крутил настройку «радиоприемника». Другой, какой-то казах с труднопроизносимой фамилией, перетаскивал тонны металлолома с места на место, мог за один присест выдуть три литра чая, сладчайшего до слипания... э... известной части организма.

Да нет, для сумасшедшего мои мысли чересчур рациональные. Хотя сбрасывать эту версию со счетов не буду. Попробую разобраться с помощью настойчивого молодого человека.

– Слушайте, юноша, скажите, кто вы и что мы тут, собственно, делаем?

– Дитрих, не узнаешь меня?

Клянусь зарплатой за месяц, парень едва не заплакал. Какие мы чувствительные!

– Во-первых, я не Дитрих, во-вторых, мы с вами впервые видимся, молодой человек.

– Что я скажу тете Эльзе! – Юноша всплеснул руками. – Неужели ты не помнишь меня, твоего кузена Карла?

Насколько помню, кузен – это двоюродный брат, и что знаю наверняка, никаких Карлов в нашем роду не водилось. Сергей, Владимеры, Анатолии имеются, спорить не стану. Хотя смутно припоминаю, как в детстве бабушка рассказывала семейное предание, больше

похожее на сказку: мол, давние предки по ее линии когда-то переехали из Германии, постепенно обрусели, потеряли связь с бывшей родиной. Если это правда, выходит – в обе мировые войны одни мои родственники воевали с другими.

Нет, слишком невероятно. Произошло недоразумение, сейчас разберемся.

– Какого еще Карла?

– Барона... – начал он, но я ехидно прервал его:

– Мюнхгаузена, да?

– Да нет же, барона Карла фон Брауна, вашего кузена.

– Извини, парень, хочется считать себя бароном – считай на здоровье, только санитарам не рассказывай. Не знаком я ни с какими фон-баронами и знать их не хочу.

Парня это мое высказывание так огорошило, что он резко перешел на «вы»:

– Как же так, Дитрих?! Почему вы говорите такие страшные слова и открещиваетесь от титула, принадлежащего вам по праву? Вы же сами барон! Барон Дитрих фон Гофен.

Вот что я называю словом «приехали».

Глава 3

Я сказал «приехали». Ха! Еще хуже: только что до меня дошло – мы с Карлом общаемся на чистом немецком языке. И в том, что я сразу не обратил внимания, нет ничего странного, для меня немецкий – как родной: я в инязе специализировался на «дойче», а потом в армии, будучи военным переводчиком, успел хорошо напрактиковаться, когда переводил генералам статьи из зарубежных журналов и сопровождал натовских чиновников, совершавших вояж по рассекреченным во времена Горбачева и Ельцина военным объектам. Дела тогда такие творились, скажу вам – мама не горюй, сдали наши все военные секреты, какие только можно.

Потом дошло и другое: речь Карла вроде и понятна, но, с другой стороны, полна непривычных оборотов, пахло от которых нафталином и прабабушкиным сундуком. Смысл многих высказываний можно разве что угадать. И фразы он строил своеобразно, в высоком «штиле», с пиететом.

– Ладно, уговорил, я барон Дитрих как его там. Только объясни, что со мной происходит и где мы, собственно, находимся?

– Проще ответить на второй вопрос, чем на первый. Думаю, мы неподалеку от Санкт-Петербурга, столицы варварской Московии.

– России, – машинально поправил я.

Как-никак за плечами нехилая практика общения на форумах с разного рода «оранжевыми». Риторика как раз в их духе. Не удивлюсь, если Карл еще что-нибудь про «кацапов» завернет. Впрочем, у меня со времен форумных баталий давно иммунитет к таким вещам образовался.

Но Карл оказался из другого теста.

– России, – легко согласился он. – Если офицер, которого мы повстречали в трактире, не обманул, до Петербурга часа два езды. Но не в нашем случае. У нас осталась одна лошадь на двоих, – пояснил юноша.

– Почему?

– Из-за твоего ослиного упрямства, дорогой кузен. Мы с твоей матушкой уговаривали в один голос не брать из конюшни Адлера, заменить любой другой лошадей. Но ты был непреклонен. В результате, когда до окончания путешествия осталось совсем немного, Адлер испугался выстрела и сбросил тебя из седла. Ты упал и ударился головой. Знаешь, мне показалось, что ты умер.

– С чего ты решил?

– Ты перестал дышать, я страшно испугался, но потом твое тело будто молнией поразило, оно забилося в конвульсиях. Ты очнулся, но я почему-то не узнаю тебя, Дитрих. Ты очень странный. Я боюсь за твое душевное равновесие.

– Странный... Может, и так. Падение с лошади бесследно не проходит. Не переживай, до свадьбы заживет.

– Но ты ничего не помнишь...

– Я же сказал: это пройдет, – с нажимом сказал я.

Вот приставучий!

– Точно? – с надеждой спросил юноша.

– Даже в голову не бери, – заверил я.

– Если так считаешь, пришла пора узнать, кто стрелял и испугал Адлера.

– Охотники, наверное, – предположил я.

– Русская императрица запретила бить дичь на расстоянии тридцати верст вокруг Петербурга. С браконьерами поступают строго. Значит, это не охотники. Если отряхнешь грязь и поспешишь, успеем разобраться, в чем дело. Вдруг кому-то нужна помощь?

О времена, о нравы. Я успел привыкнуть, что при звуке выстрелов люди прячутся по щелям как тараканы. Более того, если вас зажмут в подворотне, ни в коем случае не кричите: «Грабят!», а то помощи ни в жизнь не дождетесь. Гарантированный способ получить подмогу – завопить что есть мочи: «Пожар!» А этот сопливый юнец готов прямо сейчас ринуться неизвестно куда сломя голову.

Не дожидаясь, Карл рванул, придерживая рукой чуть ли не волочащуюся по траве шпагу. Один раз зацепился за колючки и выбрался с большим трудом, не скупясь на ругательства. Немецкий язык в этом плане не столь колоритен, как русский, но соленых словечек в нем предостаточно, самое приличное, что произнес нежданно-негаданно свалившийся на голову родственничек, – «шайзе». Когда я опомнился, кузен был далеко впереди. Его спина скрылась в густых зарослях.

«Наломает дров, барон недоделанный, а расхлебывать мне придется», – решил я, бросаясь вдогонку.

Голова кружилась то ли от пьянящего и чистого воздуха, то ли потому, что не так давно, по словам Карла, кое-кому пришлось крепко приложиться о землю. Вооружен был я ничуть не лучше Карла – такая же шпага болталась на боку и мешала бежать, норовя оказаться между ногами. Да и дурацкие ботфорты цеплялись за корни деревьев. В жизни не носил столь неудобной обуви, вдобавок сапоги не различались на правую и левую ногу, даже дешевые китайские кроссовки, замаскированные под фирму, в сто раз лучше. Путь едва не закончился падением в непонятно кем вырытую яму. Чтоб тебя! Хорошо, успел притормозить перед самым краем.

Уф, вдох-выдох и снова в погоню.

Карла я все же догнал, схватил за плечо и заставил остановиться:

– Не спеши, сначала оценим обстановку. Попасть в переделку никогда не поздно, главное – выбраться без потерь.

«Братец» кивнул.

Жидкая рожица упиралась в узкую ленточку дороги. За редкими стволами деревьев виднелись трое мужчин, словно шагнувших с экрана историко-приключенческого фильма вроде «Ангелики» или «Гардемарины, вперед!». Треуголки, кафтаны серо-мышинного цвета с выглядывающим иссиня-черным камзолом, плащи без рукавов, узкие брюки, переходящие в полосатые гетры, башмаки с пряжками. На головах парики с белыми завиточками-буклями (на ум сразу пришел известный по книгам и фильмам ответ Суворова императору Павлу I), заканчивающиеся тонкой напудренной косой. Насколько помню, так одевались где-то в восемнадцатом веке. Мама родная, куда ж меня занесло!

Я не впал в ступор и не перестал соображать. Психология человека такова, что рефлекситирует он только в минуты безделья. Если есть чем заняться, мозг отвлекается на более насущные проблемы. Армейские отцы-командиры давно взяли эту методику на вооружение, и кажущиеся дуростью приказы «тащить круглое и катать квадратное» имеют практическую основу. Я сконцентрировался на происходящем, отложив размышления на потом.

Троица, за которой мы наблюдали, потрошила одежду и котомки четвертого – человека в зеленом, явно военном мундире. Жертва лежала, не проявляя признаков жизни. На ум пришли два варианта: убит или оглушен. На шее виднелась металлическая бляха, если не ошибаюсь, отличительный знак офицерского чина.

Неподалеку находилась мертвая лошадь, шея ее была вывернута под неестественным углом. Скорее всего, выстрел, испугавший моего коня, предназначался ей.

На обычных разбойников с большой дороги эти трое не походили. Во всяком случае, тот, что в треуголке с высоким красным плюмажем, точно. Он вывернул кошелек жертвы и не обратил внимания на высыпавшиеся монеты. Его подельники бросали жадные взгляды на деньги, но присвоить не решались. Я сразу сообразил, кто тут главный.

Он что-то приказал, один из помощников вытащил из сапога нож, занес высоко над собой и приготовился вонзить в беззащитное тело офицера.

«Добивают», – понял я.

Карл не выдержал первым. Он выскочил из кустов и с криком бросился на людей в сером:

– Остановитесь! Именем закона объявляю вас арестованными. Потрудитесь сложить оружие.

«Кретин!» – простонал я.

Ему удалось добиться только того, что негодяи резко изменили намерения. Они оставили раненого в покое и с оружием наголо пошли на кузена.

Карл беспомощно обернулся, я догадался, кого он рассчитывал увидеть прикрывающим спину, но что-то удерживало меня на месте.

Противный липкий страх влез в душу, нашептывая подлые, низенькие мыслишки. Кто он такой, чтобы рисковать из-за него жизнью? Мы знакомы всего пять минут. Если юнцу захотелось продырявить себе шкуру, пускай поступает как хочет – это его личное дело, не касающееся меня никоим образом.

Я отвернулся, прижался спиной к дереву, пытаюсь вдавиться в ствол как можно сильнее, закрыл глаза, мысленно сосчитал до десяти.

Зазвенели скрестившиеся шпаги, послышалась грубая брань, призывной голос Карла. Ну и что, мне нет до него дела. Пусть выкручивается.

Моего присутствия до сих пор не обнаружили. Замечательно. Могу развернуться и убежать. Никто не узнает. Пожалуй, недавно я так бы и поступил, но не сейчас. Что-то во мне проснулось. Честь, благородство... Я не знаю. Сложно описать словами. Некогда казавшийся сложным и многогранным мир вдруг стал простым и приобрел только два измерения: черное и белое.

Если сбегу – будет подло. Более того, жить как раньше уже не получится.

Если вмешаюсь, то... Да, могу погибнуть, стать калек, но если есть крохотный, с инфузорию тувельку, шанс победить, я им воспользуюсь.

Схватка переместилась в мою сторону. Я хорошо видел сосредоточенные лица фехтовальщиков. Сталь ударялась о сталь, чувствовалось, что Карл устал и не может в полную силу отбивать натиск сразу трех противников.

Была не была! Я вывернул из земли бурый, покрытый грязью голыш весом не меньше килограмма, прицелился и со всего размаха запустил в голову ближнего негодяя. Камень угодил в висок. Послушался хруст проломленного черепа.

Человек в сером пошатнулся и упал, из раны потекла густая кровь.

Три пары глаз уставились на меня. Карл смотрел с надеждой и верой, его противники – с замешательством.

– Что за!.. Откуда ты взялся? – воскликнул главарь.

– От верблюда, – сказал я, доставая шпагу. – Должен заметить, господа, что трое на одного – нехорошо. Пришлось уравнивать шансы.

– Ты знаешь русский? – изумился кузен, промокая лоб большим, как скатерть, платком. – А мне ничего не говорил... – добавил он с досадой.

– Потом расскажу, – отмахнулся я. – Господа, повторяю предложение кузена. Сложите оружие, и мы сохраним вам жизнь.

– Я не привык отступать, – усмехнулся главарь. – Лешка, возьми того, что моложе, а я укорочу язык этому наглецу.

– Господа, шпага острая, могу и порезать, – заметил я.

– Это я сейчас проверю, – с кривой усмешкой на губах произнес главарь и сделал резкий выпад.

Он действовал молниеносно. Будь у меня меньше опыта, острие проткнуло бы грудь в области сердца, но я успел парировать удар. Лезвие ушло в сторону. Не ожидавший такой прыти главарь едва не нарвался на ответный укол, но в последний момент ему удалось уклониться. Шпага лишь царапнула рукав камзола. В месте пореза выступила кровь.

– Я предупреждал, – отсалютовав по всем правилам фехтовального искусства, сказал я.

На турнирах мне встречались разные противники, хотя между спортивным поединком и настоящей схваткой – существенная разница. В первом случае зарабатываешь очки, во втором – жизнь.

– Всего лишь царапина, – прорычал соперник.

Он быстро вышел из себя, горячность – плохое качество для фехтовальщика.

Кроме того, он значительно уступал в росте. Помните в фильмах про мушкетеров – они всегда стремились занять господствующее положение: вскакивали на столы, стулья, ступеньки лестницы. Высокий рост дает значительное преимущество. Но и от мастерства многое зависит.

Однако в любой схватке немалую роль играет его величество случай. Тренер не раз рассказывал поучительные истории, как опытейшие фехтовальщики прошлых веков проигрывали зеленым новичкам, которым просто повезло. Профессионализм профессионализмом, но расслабляться в поединке пускай со слабым противником не надо. А главаря нельзя было назвать слабаком. Шпагой он владел неплохо.

Укол, еще один. На меня сыпался настоящий ураган выпадов и ударов. Враг менял тактику, переходя из глухой защиты в резкое нападение. Казалось, он не знает усталости. Если бы не мой рост, я бы давно получил несколько дырок и обессилел. Манера фехтования главаря отличалась от того, чему меня учили, так же как ката в каратэ – от реального боя.

Противно ощущать себя дилетантом, но надо смотреть правде в глаза. Я все еще жив только благодаря везению, но долго длиться оно не может. Выиграть могу лишь в том случае, если воспользуюсь немногими преимуществами, а их действительно немного, если быть точнее – всего два: противник склонен к импульсивным необдуманным поступкам, и он намного ниже. Если его как следует раззадорить, а потом нанести удар, который трудно отбить, победа будет за мной.

Сказать, конечно, легко, но вот сделать... Кажется, знаю. Я рубанул главаря по макушке, он пригнулся, но шпага зацепила роскошный плюмаж, только перья по сторонам полетели. Шляпа от удара свалилась в лужу. Я поддел треуголку ногой и послал вперед, как футбольный мяч. Бинго! Сам Марадона гордился бы таким попаданием. Мокрый, грязный головной убор угодил владельцу в лицо.

– А, чтоб тебя!

На физиономии противника были видны только разъяренные глаза. Остальное покрылось густым слоем грязи. Он походил на женщину в косметической маске – зрелище не для слабонервных.

Я разразился коротким издевательским смешком.

Взбешенный главарь бросился на меня, забыв обо всем, в том числе об осторожности. Я проткнул его, словно вертелом, до самой рукоятки. Неприятный хруст разрываемой плоти, кровь, много крови... Шпага прошла сквозь ребра как по маслу. Странно, даже не ожидал. Он захрипел и осел на подкосившиеся колени. Я выдернул лезвие и толкнул его ногой. В тот момент это не казалось мне кощунством. Он поступил бы точно так же.

С громким чавканьем тело опустилось в лужу, поднимая ворох брызг. Все происходило как в замедленной киносъемке. Главарь лежал на спине и смотрел в небо остекленевшими глазами.

Я не знал, насколько неприятно убивать человека, особенно впервые. Меня едва не стошнило.

– Превосходно, Дитрих, – ободряюще воскликнул Карл. Он с легкостью теснил своего противника. – Эти русские никогда не умели биться на шпагах по-настоящему. Ты преподавал ему хороший урок.

– Я убил его, – мрачно произнес я.

– Он заслужил.

Я не стал спорить.

– Сдавайтесь, сударь, – довольно произнес кузен, выбив шпагу из рук соперника. – Обещаю пощадить вас и не убивать.

Оружие с жалобным звяканьем упало. Кончик шпаги Карла уперся в горло проигравшего.

Похоже, у нас появится пленный. Ума не приложу, что с ним делать. Думаю, на нашем месте он вряд ли был бы столь милосерден.

Глаза проигравшего сверкнули отчаянием, быстро сменившимся злостью.

– Пошел ты... – произнес он и, подавшись вперед, проткнул горло шпагой.

В кузена ударила струя крови. Он едва не вскрикнул от неожиданности.

– Хорошо день начинается, – вздохнул я, вкладывая оружие в ножны.

– Ты забыл протереть лезвие, – возмущенно сказал Карл. – Оно заржавеет.

– Плевать, не до этого. Проверим, жив ли тот, кого они обыскивали.

Я опустился на колени рядом с человеком в зеленом мундире. Под париком обнаружились растрепанные светлые волосы. На макушке бугрилась большая свежая шишка. Выходит, мой товарищ по несчастью.

Я приложил ухо к груди. Сердце билось неторопливо и размеренно. Беглый осмотр показал, что его просто оглушили. Других ран, кроме набитой шишки, не нашлось.

Нашатыря нет, можно похлопать по щекам или поднять ноги. Вроде так поступают с женщинами, находящимися в обмороке. Но этот очнулся самостоятельно.

Он схватил меня за грудки, с воистину медвежьей силой подтянул и сердито прорычал:

– Ты собрался меня грабить, да?

Он говорил на ломаном русском. Выходит, иностранец... вроде меня нынешнего.

– И в мыслях не было. Я просто хотел вам помочь.

Мой голос убедил его, что я говорю правду, и он отпустил:

– А где неkotия, что стрелял в моего коня?

– Не стоит волноваться. Дела их неважные.

– Выходит, вы спасли мне жизнь. Я отшень вам плагодарен.

– Что вы. Я исполнил свой долг порядочного человека.

Слова сами слетели с кончика языка. Странно, обычно я выражаюсь в иной манере. Неужели заразился от Карла?

– О, вы не просто порядочный человек, вы – человек чести. Назовите свое имя, отважный герой.

– Игорь... – я прикусил язык, – то есть Дитрих. Дитрих фон... Гофен, – уф, кажется, не ошибся.

– Спасибо, отважный рыцарь. Даю слово творянина и офицера: я отплачу вам той же монетой...

Бабах! Оглушительно гроыхнуло из кустов, моментально окутавшихся облаком дыма. Послышался тонкий противный свист и шлепок. Тело офицера выгнулось. Я увидел страшно удивленные глаза.

– О майн гот, не хочу умирать! – Он дернулся и повис у меня на руке.

Мне не впервой видеть смерть. Я перестал бояться покойников с того момента, как закрыл глаза умершему отцу, подвязал ему платком челюсть, накрыл тело простыней и стал обзванивать родственников. Просто каждый, кто прикоснулся к этому таинству, уже никогда не станет прежним. Меняется действительность или твое отношение к ней. Начинаешь ценить каждый вздох, взгляд, каждую крупницу общения с близкими. Проблемы, ранее казавшиеся глобальными, уходят на второй план. Суета сует. Вот она – истина в последней инстанции.

Офицер, бывший недавно живым, чувствующим человеком, вцепился в меня, будто я последняя ниточка, связывавшая его с этим миром. Ниточка оборвалась. Душа улетела туда, откуда нет возврата, где, как хочется верить, намного лучше, чем здесь.

Я видел его впервые, успел перекинуться несколькими фразами и все, но почему щекам потекли слезы? И наряду с возникшей горестью внутри разгоралось пламя, оно требовало выхода. Где та сволочь, что предательски выпалила из кустов?

Я оказался на ногах и бросился туда, где еще не успел развеяться дым, услышал за спиной конское ржание, громкие возгласы.

– Куда прешь, убивец?

Я обернулся и последнее, что успел увидеть, – летевший в лицо деревянный приклад мушкета.

Глава 4

– Куда их, ваш высокородь? В полицию?

– Нет. Дело сурьезное. Пожалуй, вези в Петропавловскую крепость, сдашь чиновнику Тайной канцелярии, а если не найдешь, то коменданту. Скажи, что застали на месте убийства ажно с четырьмя трупами. Хоть и иноземцы, но кто ж их, аспидов, знает. Пушай в Тайной канцелярии разбираются.

– А с телами как? Вы их опознали, ваш высокородь?

– Трое в сером – капрал Преображенского полка Звонарский с лакеями. Запомнил?

– Так точно, господин капитан.

– Мертвый измайловец – поручик Месснер из вестфальцев. Поговаривают, конфиденд самого Миниха.

– Эвона как. Это его мы, выходит, встречали?

– Его.

– Не уберегли, значит, голубя. Опасливо мне, ваш высокородь.

– Чего ты спужался, Борецкий?

– А ну как и меня заодно с эними двумя немчиками в колодничий каземат оформят? Попасть туда легко, а вот выйти трудно.

– Не бойсь, Борецкий. Ты государственнй человек, лейб-гвардии сержант. Худа не сделал. Подполковник за тебя всегда слово молвит. Выручим, ежели что. А чтоб не сбегли, возьми с собой четырех солдат. Штыки примкните и глаз не спускайте. Утекут – шкуру с тебя спущу почище Ушакова Андрея Ивановича, – имя и отчество офицер произнес с придыханием, чуть ли не озираясь по сторонам.

– Знамо дело, ваш высокородь, спустите.

– То-то! – удовлетворенно подкрутил лихой ус офицер. – Скажешь, я завтра прибуду с подробным рапортом. Ступай, Борецкий.

Сержант Борецкий – немолодой коренастый мужчина с багровым лицом пьяницы – вместе с двумя солдатами устроился на крестьянской телеге. Нас с Карлом связали и положили на вторую телегу, приставив двух конвоиров. Мертвецов, укрытых рогожей, загрузили на третью. Возницы, доставленные из ближайшей деревни вместе с реквизированными подводами, выглядели забитыми и не роптали. Они мяли в руках шапки и постоянно крестились, выслушивая приказания офицера.

Взявший меня и Карла под арест гвардейский капитан не стал слушать объяснений. И дело отнюдь не в пресловутом языковом барьере. Немецким он как раз владел сносно. Ничего удивительного – полиглотов среди дворян хватало, заставляла сама жизнь. А что делать, если командир полка может оказаться шотландцем, из трех штаб-офицеров: один голландец, другой швед, третий саксонец, которые на русском двух слов связать не могут? Хочешь не хочешь, а нужно между собой договариваться, вот и договаривались на немецком. Это уже потом перешли на язык Дидро и Вольтера. Мы для капитана были убийцами, застигнутыми на месте преступления. Разбираться с нами он считал ниже своего достоинства. Дело пахло керосином.

Виски ломило, на лбу вздувалась шишка, в глазах двоилось, нос опух. На счастье, я успел в последний момент отпрянуть, приклад прошел по касательной, только благодаря случаю «рубильник» остался цел. Но приложили меня крепко. Провалился без памяти час, а то и больше.

С Карлом обращались гуманней. Ему вообще почему-то везло гораздо сильнее.

– Вот немчура проклятая. Лезет сюда, словно им медом намазано, – сплюнул конвоир. – Хорошо хоть эти по всему бедовать будут.

– Не говори, Матвеич. Видать, им у себя совсем несладко стало, вот и бегут к нам, будто тараканы какие. Жадные: что рупь, что копейку – под себя норовят утащить. А нашему ваньке деревенскому достается: корми-пои оглоедов, до юшки из носу надрывайся, а они на шею сядут и тебе же батогов высыплют за добро твое. Сволочи!

– Немцы, я тебе скажу, разные бывают. Требовательные, вечно недовольные, по сторонам рыскающие, но к аккуратству приучены и остальных приохотить хотят. Этого от них не убавишь. Слово свое всегда в ответе держат. Ежели скажут что, сделают. А то, что злые как собаки, так иной русский трех немчур стоит. Был у нас поручиком Иванов – ты его не застал, молод еще, – из дворян тверских, по фамилии русак-русаком, а сколько солдатского брату через его пострадало. Вор настоящий был. Полуроту голодом заморил. Вечно у него на солдатский котел денег нету, на мундирное платье – шиш да кукиш. Оголодали, истрепались. Из остатних рот над нами поперву смеялись, а потом жалеть зачали. И жаловаться некому – начальству до тебя никакой охоты вникать нету. Мы волком были. А уж как нас не любил! За любую мелочь бил боем, особенно как выпьет. Чуть что – сразу в зубы. Рожа, говорит, твоя не нравится. Как его от нас перевели в другую часть, так мы всем ротным миром свечки в церкву поставили. Не знаю, кто сейчас от этого Ироду муку принимает.

Нам поневоле пришлось стать слушателями их беседы. Карл по большей части молчал, изредка тяжело вздыхая. Не таким, очевидно, он представлял себе въезд в Петербург.

– Что с нами будет? – шепнул я.

Конвоировавший солдат покосился, но ничего не сказал. Видимо, указаний препятствовать разговорам не давали.

– Скорее всего, отвезут в русскую Бастилию. Я слышал, в Петербурге на острове стоит крепость, в казематах ее содержатся узники. Люди гниют заживо от великой сырости и ссылку в вечно холодную Сибирь принимают за избавление.

– Петропавловская крепость, что ли? – догадался я.

– Наверное, – пожал плечами Карл.

Я бывал в ней всего раз: после демобилизации – поезд уходил поздно, у меня была уйма времени, которое посвятил прогулкам по одному из самых красивых городов мира, посетил Артиллерийский музей и Петропавловскую крепость, они располагаются напротив. Помню бастионы, смотровые площадки, спуск к пляжу – зимой, говорят, там любят плавать «моржи», памятник Петру I, пушку, стреляющую в двенадцать часов дня. Экскурсоводы показывали казематы, открывали дверцы камеры, впускали внутрь, предоставляя возможность ощутить себя в шкуре арестанта, рассказывали о знаменитых узниках – царском сыне Алексее, княжне Тараканове, декабристах. Впечатление давящего пространства больших – шагов по десять в диагонали – камер запомнилось надолго.

Крепость располагается на Заячьем острове, размером метров семьсот в длину и без малого полкилометра в ширину. Экскурсовод, полная женщина в клетчатой юбке, насмешила, сообщив, что шведы называли остров Веселым. Кстати, им представилась возможность оценить иронию судьбы по достоинству, ибо одними из первых строителей стали захваченные в плен солдаты Карла XII. Их кости легли в фундамент будущей Северной Пальмиры наряду с костями простых русских и украинских мужиков.

Туда нас и везли.

Мне стало интересно, и я присел, чтобы лучше видеть.

Петропавловка, в которую нас доставили, не очень походила на ту, из экскурсии. Ее не успели достроить, работа кипела одновременно в нескольких направлениях, многих, ставших привычными сооружений не было даже в проекте.

Я увидел Кронверк – земляные валы в виде короны, защищавшие крепость от нападения с суши, позднее их снесли, построив на этом месте здание, в котором хранятся реликвии русской армии.

Мы проехали открытые ворота, украшенные наклепанным двуглавым орлом. Телеги прогромыхали по мосту через выкопанный ров и остановились возле одноэтажного серого особняка. Должно быть, нас заметили в окно, и из подъезда с нависающим козырьком вышли двое. Первый, самый представительный, – в штатском темно-синем камзоле с воротником-жабо, смуглый, суетливый в движениях. Второй – военный: статный, высокий, с холерным скучным лицом. Гадать нечего: гражданский – чиновник Тайной канцелярии, с ним – дежурный офицер. Мелкие злые глазки штатского впились в меня, сверля, будто дрелью. Я понял: ничего хорошего нам не светит.

Сержант Борецкий подошел и стал докладывать, от волнения сбиваясь и глотая звуки.

– Престань мямлить, размазня, – оборвал штатский.

– Дык, я это... – еще сильнее испугался Борецкий.

Офицер скривился. Он со скучающим видом теребил рукоятку шпаги и едва не зевал. Похоже, ему давно все приелось.

– Где твой командир? – рассерженно спросил чиновник.

– Обещался завтра прибыть. С самранешнего утра туточки будет, не сомневайтесь.

Седни ему надо с докладом у начальства быть. Так горевал, что самлично прийти не может.

Борецкий, как мог, отмазывал капитана.

– Кто эти двое?

– Немцы какие-то. Мы случайно увидели, как они на тракте покروшили капрала Преображенского полка Звонарского и двух лакеев его.

– А что ж не вмешались?

– Дык, не успели мы. Поначалу думали: господа баловством занимаются, шпажному бою репетируются. Ан вон оно как – до смертоубивства дело дошло.

– Понятно, вот она дурь русская во всей красе, – зло бросил чиновник. – Видеть видели, помешать не сумели. А скорее – лениво было. Бумаги при них имелись?

– А как же. Я все привез – тут и пашпорта, и письма рекомендательные. Все в целости, ничего не утеряно.

– Дай взгляну. – Чиновник протянул руку за документами.

– Что здесь? – Офицер небрежно указал пальчиком на третью телегу.

– Мертвецы, – потупился сержант.

– Пройдемте, посмотрим.

Офицер отбросил рогожу и склонился над трупами:

– Действительно, Звонарский. Сколько нами вместе было выпито, сколько раз он меня из неприятностей выручал. Помнится, он отпуск двухгодичный брал учебы ради. Говорил же ему, что от учения только одно худо будет. Не послушал.

Он выпрямился и произнес, чеканя каждое слово:

– Я за Звонарского этих немцев под землю урою, если Андрей Иванович милость свою к ним проявит.

– Не проявит, – сурово заверил чиновник.

Трупы унесли. Солдаты таскали их за руки и ноги, стараясь не глядеть на лица. Тела исчезали в соседнем строении, будто в чреве кашалота.

Чиновник послал Борецкого давать письменные показания и распорядился известить родственников покойных. Выяснилось, что у Звонарского в Петербурге проживает родной дядя. Дежурный офицер отправил гонца в штаб Измайловского полка с новостью о смерти Месснера.

– В Преображенский полк сообщу лично. Товарищи Звонарского, к коим принадлежу и я, будут расстроены гибелью сослуживца, – сказал он.

Конвоиры сменились служивыми, несшими караул при Тайной канцелярии. Я почувствовал легкий тычок штыком в спину.

– Пошевеливайся.

– Полегче, – вырвалось у меня.

Один из конвоировавших усачей, услышав знакомую речь, хмыкнул:

– Ишь, нежный какой. Топай знай, пока ребро не зацепил.

Чиновник зашел в небольшую комнатку и вернулся со связкой ключей в руках:

– Допрашивать сегодня не будем. Определим голубчиков в камеру, пущай до завтра помучаются.

– Господа, прошу признаться: кто из вас стал убийцей Звонарского? Надеюсь, вы не станете запираяться, – обратился к нам дежурный офицер.

Я выступил вперед:

– Нет, запираяться не станем. Это сделал я. Ваш товарищ ранил другого офицера. Мы застали Звонарского за далеко не благородным занятием – вместе со своими людьми он организовал засаду на тракте. Мой кузен предложил ему сложить оружие, однако Звонарский предпочел напасть на него, при этом его не смутило, что кузен в тот момент был один. Я присоединился позже. Наш поединок был честным – мы сражались один на один.

– Вы лжете, – яростно воскликнул офицер.

– Это – чистая правда, – подтвердил Карл. – Звонарский не достоин звания дворянина. Его шее повезло избежать веревки.

– Петр Васильевич, вы с них за Звонарского спросите по строгости. – Офицер, не стесняясь нас, сунул чиновнику деньги.

– Не беспокойтесь, Аркадий Анисимович, в лучшем виде оформим. – Чиновник принял взятку как должное. – Исключительно ради вас и торжества Фемиды. А этого верзилу, – он глянул на меня, – определим в холодную. Пущай посидит до завтра. Утречком я обо всем донесу Андрею Ивановичу. Уж он-то допросит их со всем пристрастием. А то и я расстараясь. Пожалуй, оно так вернее будет. Сам примусь.

– Спасибо, Петр Васильевич, всецело на вас надеюсь. Я утром сменяюсь, отосплюсь и жду вас к вечеру у себя, выпьем чего-нибудь для согреву, посидим в приятном обществе.

– Всенепременно заскочу, Аркадий Анисимович. Водочка у вас знатная, стол богатый и среди дам знакомства возвышенные и приятственные, – мечтательно закатил глаза чиновник. – Ступайте отдохните. Вид у вас больно усталый.

– Служба, – развел руками офицер.

– Тем более поберегите себя. Прикажу вам чаю сделать. При нашей сырости только в нем и спасение для организму. А я покуда арестантов в книгу впишу. И не переживайте. Займутся ими. Будет в лучшем виде.

Меня завели в караулку и посадили на грубо сколоченную скамейку. Солдат с бледным, землистым лицом, пропахший табаком и потом, занял место с правого боку. С другой стороны пристроился худощавый и длинный парень, не знавший, что делать: то ли направить на меня ружье, то ли поставить его в угол. Он явно был новичком, терявшимся в отсутствие начальства.

В караулку вошел, вернее, вкатился похожий на коlobка человек. В руках он держал такую же связку ключей, что у чиновника.

– Господин подпрапорщик. – Солдаты вытянулись во фронт.

– Вольно. Куда еного определили? – спросил человек.

– Господин Фалалеев велели в холодную сунуть до утра.

– За что его?

– Убийец, четырех человек шпагой порешил, – коротко ответил новобранец.

– Вот мерзавец. Кого порезал-то?

– Капрала Преображенского полка, слуг евойных да поручика полку Измайловского.

– М-да, не повезло ему, что седни капитан-поручик Огольцов дежурит. Он ведь до перевода в Семеновский полк в Преображенском служил. Поди, знал капрала убитого.

– Так точно, знали. Когда заговорили об убитом, враз в лице переменились.

– А убийца никак из немцев, – осмотрев меня, пришел к заключению подпрапорщик.

– Так точно-с, барон курляндский Дитрих фон Гофен, – подал голос бледный.

Смотри-ка, успел войти в курс дела!

– Барон, – скривился подпрапорщик.

Похоже, мой титул здесь не котируется.

– Раздевайся, душегуб, – сердито приказал человек.

– До трусов, что ли? – усмехнулся я, вспомнив визиты в поликлинику из той, прошлой жизни.

Вместо ответа с меня сорвали верхнюю одежду, оставив лишь в нательной рубаше и исподних штанах, стянули сапоги. Каменный пол был сырым и холодным. Пока служивые ретиво срезали пуговицы и выворачивали карманы, я стоял и поеживался. Происходящее вновь казалось каким-то абсурдом.

Что же такое происходит? То, что я каким-то образом угодил в прошлое, – факт, не вызывающий сомнений, но почему это произошло, причем именно со мной? Чем я лучше или хуже других? И как можно вырваться обратно, в родной двадцать первый век?

Закончив надругательство над вещами, служивые вытолкнули меня в коридор. Я увидел растерянного Карла, которого ждала та же участь, ободряюще подмигнул и двинулся, понукаемый нетерпеливыми конвоирами. Мы прошли по лестнице, спустились в полуподвал. От едкого дыма резало глаза, холод сковал конечности, заставляя зубы отбивать чечетку. Я ступал босыми пятками, чувствуя, как ледяные иголки начинают колоть их все выше и выше.

Мы добрались до крайней камеры.

– Стой, – приказал человек.

Он поковырялся ключом в замке, пока один из караульных светил факелом. Дверь со скрипом отворилась. Я удивился, что она такая маленькая – мне бы пришлось согнуться пополам, чтобы пройти.

– Добро пожаловать, господин хороший, – со смешком произнес подпрапорщик.

– Я так понимаю, что встреча с адвокатом мне не светит.

– Иди уж, не заговаривай зубы! – Мощным толчком меня запихнули в камеру.

Из проема полетели мои вещи, причем сапоги угодили прямо в лоб. Я стал поспешно одеваться, чтобы не потерять остатки тепла. Не хватало еще заболеть. Вряд ли здешняя медицина практикует что-то иное, кроме пускания крови.

Дверь захлопнулась. Я остался один в абсолютной, кромешной тьме. Попробовал распрямиться, но понял, что потолок находится слишком низко, ощупью нашел что-то вроде лежака и попытался лечь во весь рост. Увы, в длину комната была ничуть не больше. Ноги уперлись в стену. Пришлось свернуться калачиком.

Сырой лежак не добавлял комфорта. Одежда мигом промокла, стала противной и липкой. Я сжался в комок и стал греться внутренним теплом. Да, попал ты, Гусаров, как кур в ошип. Выбор изумительный. Если к утру не окочуришься, сдохнешь от пыток. В справедливый и гуманный суд я перестал верить еще в детстве.

Внезапно дверь отворилась. Я приподнялся на лежаке и увидел, что в камеру вошел посетитель; в руках у него была свечка с дрожащим пламенем на конце.

– Игорь Николаевич Гусаров? – осведомился он.

– Да, – машинально кивнул я и тут же замер, пораженный догадкой. Здесь я был бароном фон Гофеном. – Откуда вы знаете мое настоящее имя?

Глава 5

– Очень просто, я – тот, кто устроил ваш перенос в это время, – нерадостно усмехнулся он.

– Мне вас сразу придушить или помучить? – зло спросил я.

– Игорь Николаевич, право слово, что за разговоры между интеллигентными людьми? Я, конечно, понимаю, что хорошего в нынешнем положении мало, но тут не столько моя вина, сколько стечение обстоятельств. Позвольте, я лучше с вами на лежанку присяду. Другой мебели здесь все равно нет. Нам предстоит серьезный разговор, а ноги у меня не железные.

Улыбка с его губ исчезла. Подул сквозняк. Пламя свечи вспыхнуло ярче. Я успел разглядеть виновника своих бед – вроде не старого, лет сорок, но уже седого; с бородкой, прозванной шкиперской, – в шестидесятих годах двадцатого века такие любили носить и физики, и лирики. Невысокий и очень худой, будь на пять килограммов меньше – вообще б не отбрасывал тени. Немного впалые глаза лучились бездонной добротой. Прямо живое воплощение святого сподвижника. И очень приятный, источающий обаяние голос. Ему бы на радио работать, новости о финансовом кризисе рассказывать, чтобы люди сразу в банки рубли на доллары менять не бегали.

– Присаживайтесь, – предложил я, освобождая место. – Рассказывайте, каким образом довели меня до цугундера.

– Что касается тюрьмы, то вы уж сами постарались, без моей помощи. – Он поежился. – Холодно у вас.

– Ну, так не у тещи на блинах.

– Да, – седой приподнялся и едва не стукнулся макушкой о потолок, – забыл представиться. Приношу извинения за невежливость. Я – Ка Эр, по первым буквам сокращение от «корректор реальности». Для простоты можете звать меня Кириллом Романовичем.

– Не могу сказать, что мне очень приятно.

– Игорь Николаевич, не дуйтесь, как мышь на веник. Фортуна в моем лице подарила вам невероятный шанс. В ваших руках ни много ни мало – судьба страны. Вы патриот?

– Скажем так: есть слова, которыми бросаться не принято. «Патриот» относится к их числу. Родину не выбирают, Родину любят. Я люблю Россию, не уверен, что взаимно.

– Рад, что не ошибся в вас, Игорь Николаевич. Дело в том, что для выполнения миссии нужен человек вроде вас – тот, кто способен на многое, зная, что в итоге он не получит награды. Это редкое качество. Не стану мучить статистикой, а она у меня имеется, причем весьма подробная, но скажу, что именно русские в большинстве своем смогли выработать такое, почти фатальное самопожертвование. Наверное, поэтому история безжалостно прошла по России паровым катком. Практически все социальные модели отрабатывались на вашей стране, чтобы воплотиться потом с учетом допущенных ошибок в других государствах и не только... – Он многозначительно замолчал.

Я сжал кулаки до боли в руках:

– Хотите сказать, что моя страна была чем-то вроде лабораторной крысы?

– Скорее полигоном для новых идей.

– Ценой в десятки миллионов загубленных жизней? – с ненавистью ощерился я.

Мне почему-то сразу стало ясно – мой визави не лжет. Такие, как он, обкатали десятки кровавых сценариев на территории моей страны, прошедшей столько тяжелейших испытаний. Первая мировая, свержение монархии, Октябрьская революция, гражданская война, коллективизация, индустриализация, Вторая мировая... Это первое, что пришло в голову, а сколько всего было, сколько за этим стоит сломанных судеб!

– Да, – потупился он. – Прогресс дорого обходится человечеству. Теперь пришла пора исправить несправедливость. Мы откорректируем реальность с вашей помощью.

– Кто вы? – сжав зубы, спросил я. – Ангел, демон, инопланетянин или...

– Всего лишь выходец из параллельного мира. Очень похожего на ваш, в чем-то лучше, в чем-то хуже. Мы строили его с оглядкой, используя ваш опыт. Благодаря этому сумели избежать двух мировых кровопролитных войн, без проблем вошли в стадию регулируемого капитализма, к которому вы постепенно придете после глобального мирового кризиса. И главное – мы смогли по достоинству оценить прогрессивность монархии. Она стала настоящим могом мира и будущим вашего.

– Позвольте, я знаю, что большинство европейских стран формально являются монархиями, но на самом деле короли в них царствуют, но не правят. Это скорее дань традиции.

– Безусловно, вы воспринимаете монархию в качестве некоего декоративного украшения. Но оценить ее истинное назначение сможете только в самые трудные дни, когда понадобится решение человека, облаченного полнотой власти и обладающего моральным авторитетом; радеющего за свою страну, а не за то, чтобы успеть за несколько выборных лет набить карманы и сбежать в тихий уголок.

– Если речь идет о России, надо было отправить кого-то в тысяча девятьсот семнадцатый год, не дать свергнуть власть Николая Второго.

– Мы получили возможность путешествовать по времени вашего мира, но далеко не везде имеем возможность вмешаться в ход истории. Мы умеем менять настоящее, но не умеем менять прошлое. У мироздания свои, не всегда понятные законы.

– Но ведь вы тут, со мной...

– Нам удалось вычислить несколько ключевых точек, куда пусть с трудом, но можно получить доступ. В частности – август тысяча семьсот тридцать пятого года. Но, к сожалению, только люди вашего мира могут изменить прошлое. Мы пытались проделать это своими силами, но везде потерпели фиаско. Мы – чужие. Ваше прошлое отторгает нас.

Я задумался:

– Если я правильно понял, меня с вашей помощью забросило в тысяча семьсот тридцать пятый год. Но почему вы не попробовали поговорить с кем-то из этой эпохи? Сдается мне, пользы от «аборигена» будет в сто крат больше.

– Увы, если бы я стал рассказывать о параллельных мирах кому-то из этого времени, пускай даже весьма образованному и пытливому человеку, вряд ли меня смогли бы правильно воспринять. Все могло кончиться костром, как при инквизиции. Другое дело – вы, продукт техногенной эпохи. Ваш разум способен принять многое, даже такое, что может показаться абсурдом.

– Я здесь, в тысяча семьсот тридцать пятом году, и это перестало казаться мне абсурдом, – заметил я. – Скорее страшным сном. Ущипните меня, и я проснусь.

– Это не сон и не абсурд. Более того, речь не идет о физическом переносе. Наши технологии не способны проделывать такое с людьми вашего мира, вы слишком прикипели к своему времени. Произошел ментальный переброс вашей души. Вы очутились в теле курляндского дворянина Дитриха фон Гофена. Он, кстати, действительно ваш отдаленный предок. Более того – вы похожи как два близнеца. Природа иной раз творит чудеса спустя сотни лет. Это очень облегчило перенос. Да и вам проще вживаться в новое тело.

«Действительно, поскреби русского, и в нем не только татары найдутся», – подумал я.

– Бедняге Дитриху не повезло. Он погиб, разбился, упав с лошади. Нелепая смерть. При этом смею заметить, у него был огромный потенциал самореализации, но не судьба. – Кирилл Романович вздохнул. – У вас тоже потенциал зашкаливает. По этой причине вас и выбрали.

– Шутите, – обиделся я. – Какой потенциал? Кем я был – заштатным клерком, каких миллионы.

– Чтобы раскрыть потенциал полностью, надо оказаться в подходящих условиях и не пойти по легкому пути. Лучше всего – столкнуться с проблемой, кажущейся непреодолимой. Вы в большинстве случаев плыли по течению, не брали ситуацию в свои руки. Вспомните, почему выбрали Институт иностранных языков?

– Родители посоветовали, – удивленно ответил я. – Ректор был хорошим знакомым папы, помог пройти по конкурсу.

– Правильно. А кем мечтали стать в детстве? Ведь не переводчиком, точно...

– Кинорежиссером, – потупился я.

– Вот именно. Вы не пошли во ВГИК, где у вашего отца не было связей, выбрали легкий и беспроектный вариант. Точно так же не пошли служить в десант, хоть у вас были все данные, предпочли синектуру при штабе дивизии. После армии устроились в коммерческую фирму, в которой душилась всякая инициатива, а когда появились проблемы – не стали сами их решать, сразу кинулись названивать другу. Я прав?

– В общем да, – озадаченно протянул я.

– Видите, вы просто не позволили проявиться внутреннему потенциалу. Может, из вас бы получился оscarоносный режиссер или генерал ВДВ. Я не знаю... Но теперь вы будете отвечать за себя сами. И это будет непросто.

– Вижу, – кивнул я. – Первый день – и сразу за решетку.

– Недоработка с моей стороны, – поморщился Кирилл Романович. – Не ожидал, что наряду с новым телом вы воспримете повадки прежнего хозяина. Но я в вас верю. Сумеете выкрутиться.

– Говорить легко, – нахмурился я. – Во-первых, я практически ничего не знаю об этой эпохе, во-вторых, меня несправедливо обвинили в убийстве, в-третьих, у меня сразу появились враги – дежурный офицер, его фамилия, кажется, Огольцов, и чиновник Тайной канцелярии Фалалеев, от которого зависит мое пребывание в этих стенах. Не слишком ли много навалилось?

– Надеюсь, вы не расплачетесь? – отстранился Кирилл Романович.

– Нет, но морду от расстройства чувств набить могу.

– Таким вы мне нравитесь больше, – удовлетворенно отметил собеседник.

– Ладно, я понял, каким образом меня сюда занесло, вопрос в том, что я должен сделать, чтобы исправить историю. При условии, что меня не вынесут отсюда ногами вперед...

– На вашу долю выпадет предотвратить дворцовый переворот, призванный сместить с трона законного императора Иоанна Антоновича и возвести дочь Петра Первого – Елизавету. Более того, вы постараетесь примирить три главные политические фигуры России при императрице Анне Иоанновне – фельдмаршала Миниха, будущего регента при младенце-императоре Бирона и вице-канцлера Остермана.

Я поморщился.

– Вас что-то смущает? – догадался Кирилл Романович.

– Естественно. Вы перечислили одних иностранцев. Что, выходит – русский Ванька такой дурак, что без немцев и шагу не сделает?

– Помилуйте, с чего вы это решили? – очень удивился мой визави. – В России много выдающихся умов, но давайте исходить из имеющейся ситуации. Надо работать с тем, что есть. Государственных деятелей калибра Остермана и военачальников уровня Миниха в стране пока нет. Пока! – громко воскликнул Кирилл Романович, предвосхищая мое возражение. – Достойную смену предстоит еще подготовить. В какой-то степени это и будет задачей правительства Иоанна Антоновича. И пусть не смущают вас немецкие фамилии возле его трона. Не было, нет и не будет никакой немецкой партии. Предвижу ваше удивле-

ние – вам много рассказывали о засилье немцев, о проклятой бироновщине. Так вот, Игорь Николаевич, вранье это все; байки тех, кому надо было обелить то, что скоро произойдет в нашей с вами стране. Да-да, я тоже считаю Россию своей страной, хоть и родился в другом, весьма удаленном отсюда месте. Правление Анны Иоанновны – одно из самых оболганных в истории России. «Немцы правили Россией!»! Дайте в морду тому, кто посмеет так сказать. Именно сейчас иностранцы лишаются своего привилегированного статуса, жалование офицеров сравнивается, более того – иноземец, получающий чин выше капитанского, вынужден получить одобрение лично у императрицы, а она не из тех женщин, которых можно легко обмануть.

– Это все касается армии, – со скепсисом произнес я. – А что насчет обычной, гражданской жизни? Там наверняка без немца и шагу ступить невозможно.

– Я мог бы вас ознакомить с одним интересным списком высших штатских чиновников при Анне Иоанновне. На двести пятнадцать человек аж двадцать восемь немцев. Причем под ними понимаются выходцы из абсолютно разных областей раздробленной Германии, не имеющих между собой общих интересов.

– Получаются, мне всю жизнь вешали лапшу на уши?

– Можно подумать, вас это удивляет!

– Да нет, я успел привыкнуть к тому, что вещи встают с ног на голову и наоборот. Сперва красные были хорошими, потом белые. Капитализм клеймили, затем во всех углах славил, теперь опять с песком мешают. Нет, прошлое у нас действительно непредсказуемое. Верно Задорнов подметил. Давайте вернемся к Миниху, Остерману и Бирону. Что, действительно «эффективные менеджеры»?

– Не надо ерничать, Игорь Николаевич. Не сравнивайте с людишками из вашей эпохи. Те, кого я назвал, кроме Бирона, – «птенцы гнезда Петрова». Это о многом говорит. Думаете, Петр Первый зря приблизил их к себе? Они славно поработали на благо страны и способны сделать еще больше, если вам удастся прекратить свару между ними.

– Каким образом?

– Вопрос сложный, вам предстоит самому найти на него ответ. Игорь Николаевич, если это удастся – Россия получит по-настоящему просвещенного и одаренного монарха, верных союзников – армию и флот – и искусную дипломатию. Вы опять чем-то недовольны, Игорь Николаевич?

– Да я по поводу переворота, который мне предстоит предотвратить...

– И что вас смущает?

– Помилуйте, чем вам Елизавета не угодила? Вроде не самая худшая императрица в истории России...

– Не спорю, в ее правление многое делалось во благо страны, но зачастую не благодаря, а вопреки. Она была слишком занята интригами, балами, тайным браком и прочее. Вокруг нее собралось талантливое окружение. Короля играет свита. Поверьте, вокруг Иоанна соберется еще большее количество выдающихся людей. Кроме того, бедняга не достоин участи, какую для него уготовят в вашем мире. Годовалого, ни в чем не повинного младенца свергнут с престола, когда немного подрастет – заберут от матери, кинут в тюрьму, где будут содержать в одиночной камере, а спустя двадцать три года убьют во время попытки освобождения, предпринятой поручиком Мировичем.

Я содрогнулся, представив картину заключения в тюрьму несчастного ребенка.

– Сколько у меня времени?

– Немного. Переворот состоится в ноябре сорок первого года.

– Шесть лет, всего шесть лет, – задумчиво произнес я.

– Да, и за эти шесть лет вам предстоит проделать путь из низов в верхи. Карьеру здесь делают двумя способами – либо в качестве фаворита, то есть через постель, либо на поле боя. Первый путь проще, второй – намного сложнее. Какой выбираете?

– Ненавижу альфонсов.

– Значит, армия, – резюмировал Кирилл Романович.

– Да.

– Тогда учтите: легко не будет. Никто не даст гарантий, что вы не погибнете на поле боя, не умрете от болезни или ран. Я не смогу вам помочь.

– Позабочусь о себе сам. Кирилл Романович, ответьте на один вопрос: что со мной произошло там, откуда я родом?

– Вы точно хотите услышать правду?

– Да!

– Мы успели перенести вас до того, как вы погибли.

– Как «погиб»?! – едва не закричал я.

Глава 6

Вечер еще не исчерпал все сюрпризы. Только-только выяснил причину загадочного перемещения в прошлое и тут – бац! Выясняется такое, что хоть стой, хоть падай! Нет, мой визави меня сегодня точно до инфаркта доведет.

Кирилл Романович потупился:

– Офис вашего друга находится на втором этаже, не так ли?

– Да, на первом обменник какого-то банка.

– Совершенно верно. Вы приехали в тот момент, когда на банк налетели грабители. С самого начала ограбление пошло не так. Вам так же, как и несчастному Дитриху, не повезло. У грабителей не выдержали нервы. Они открыли стрельбу. Вас застрелили почти в упор.

– Рискну предположить, это было еще одной причиной того, что выбор пал на меня.

– Не стану отрицать, – опустил глаза Кирилл Романович. – В противном случае ничего бы не вышло. У времени свои законы. Я говорил об этом. Так что не держите на нас обиды – мы подарили вам вторую жизнь.

– Однако я здесь чужак, который ничего не знает. Карла удалось провести, но если мною займется кто-то умнее и старше, меня быстро расколуют. Я могу попасть впросак практически на каждом шагу, не зная обычаев, законов... Да что там говорить! – Я обреченно взмахнул рукой. – Чужой в чужой стране!

– Согласен, но это опять же не наша вина. Мы планировали подготовить вас после переноса, но вы спутали наши планы, ринувшись на спасение поручика Месснера. Тем самым вы уже вмешались в ход истории, убив Звонарского. Он принимал активное участие в перевороте. Впрочем, свято место пусто не бывает. Лесток найдет замену.

Фамилия последнего показалась знакомой, но я решил все же уточнить:

– Кто такой Лесток?

– О, очень колоритная фигура из окружения Елизаветы Петровны. Думаю, он один из ваших главных потенциальных противников. Кстати, капитан-поручик Огольцов тоже входит в их число. Вдобавок у него появились и личные счеты. Он дружил со Звонарским.

– Что я могу от него ожидать? Если выйду отсюда, конечно...

Кирилл Романович задумался:

– Все, что угодно. Дуэли здесь еще не получили такого распространения, как в Европе. Дворяне сводят счеты другим способом. Самый распространенный – подкараулить, навалиться большим числом и избить до полусмерти. Те, что побогаче, нанимают убийц. Есть такие, что не брезгают клеветой и наветами, но это на крайний случай. В Тайной канцелярии умеют отличать ложь от правды. Поверьте, тому, кто заявит, придется не сладко. Но, – многозначительно произнес он, – расслабляться в любом случае не стоит.

– Вы можете вытащить меня из тюрьмы? – с надеждой спросил я.

– Увы, – вздохнул гость. – Рад бы, но это не в моей власти. Более того, скоро нам придется проститься, ибо я не могу долго находиться в этом хронопотоке. Мое состояние слишком нестабильное.

– Но что мне может помочь?

– Попробуйте сыграть на том, свидетелем и непосредственным участником чего вы стали, – посоветовал Кирилл Романович.

– Имеете в виду нападение на Месснера?

– Да. Поручик был доверенным лицом Миниха. Он состоял в так называемом «безвестном карауле», занимавшемся слежкой за Елизаветой Петровной. Месснеру удалось узнать важную информацию, он собрался доставить ее патрону, но люди Лестока устроили засаду. Остальное произошло на ваших глазах.

– Каким образом это можно использовать? – заинтересовался я.

– Не знаю, – вздохнул гость. – Но это все, чем могу помочь. Придумайте что-нибудь, Игорь Николаевич. Вы умный человек... – Он помялся и наконец выдал: – Очень жаль: мое время истекло. Я больше не могу здесь находиться. Хорошо было с вами, но, увы...

– Мы увидимся? – спросил я.

– Все может быть, Игорь Николаевич. Желаю успеха! Прощайте!

– До свидания, Кирилл Романович, – поправил я.

Он внимательно всмотрелся в меня и неожиданно крепко стиснул мою руку:

– Вы правы, до свидания.

Гость дунул на свечку, и, как только наступила темнота, стало ясно – в камере его больше нет. Исчез – испарился, и все.

Кстати, забыл спросить: а елизаветинский переворот – не их ли рук дело? Ну да уже поздно, Кирилл Романович умчался в другое измерение, оставив меня одного. Я кое-как устроился и заснул. Сон был зыбким, грезилась разная ерунда: школьные годы; коммуналка, в которой мы раньше жили; женщина, очень добрая, излучающая добро и уют, она произносила ласковые успокаивающие слова, а сердце мое переполнялось нежностью.

«Мама», – всплыла подсказка в памяти.

Но она не была моей матерью. Я впервые видел эту женщину, однако откуда во мне столько чувств? Может, она – мама Дитриха? Кирилл Романович говорил, что душа погибшего немца отставила отпечаток в теле. Тогда чем все закончится? Не начнется ли шизофрения? Каким образом я смогу отличить свои мысли от тех, что могут принадлежать Дитриху? Нет, хватит. Так и на самом деле чокнуться можно.

С такими мыслями я проснулся, трясаясь от холода. Да и есть хотелось со страшной силой, во рту давно уже ни крошки не было. Но никто не спешил включать обогреватель и не нес чашечку утреннего кофе. До меня никому не было дела.

Чтобы размять занемевшие мышцы, стал приседать, стараясь не стукнуться о потолок. Покачал пресс, отжался. Кровь забурилась. Жить стало лучше, жить стало веселей. Если б еще голодный желудок не бурчал.

Интересно, где Карл, чем сейчас занимается? Сидит в одиночке или в общей камере, «наслаждаясь» сомнительным обществом?

В коридоре загромыhalo. Это ко мне? Я приподнялся и присел на лежанке, дверь отворилась.

– Выходи на допрос.

Суровый голос хорошо вязался с широкоплечей, будто вырубленной из камня фигурой тюремщика.

Понятно, завтрак откладывается. Произнесенная в уме шутка – глупая, но необходимая: я старался приободрить себя, чтобы охватившее уныние не было слишком заметно. Чего-то хорошего от допроса в Тайной канцелярии ждать не стоит. Это заведение спустя без малого триста лет оставило дурную память. Репутация как у НКВД, КГБ, Моссада и ЦРУ, вместе взятых. Хотя... может, у страха глаза велики. Авось что-то удастся придумать.

Собственно, в чем моя вина? Да, убил Звонарского и его лакея, но они явно занимались неблагоприятными делами. По сути, это была вынужденная самооборона – защищался, как мог. К тому же я вроде как считаюсь иностранным подданным. Вдруг допрашивать меня можно лишь в присутствии посла? Хотя этот вариант кажется слишком сомнительным. Тайная канцелярия вряд ли заморачивалась такими пустяками.

Ой, кстати, а чье у меня подданство? Кирилл Романович сказал, что Дитрих был курляндцем. Из обрывочных знаний по курсу школьной истории помню, что Курляндией называлась часть нынешней Латвии со столицей в Митаве, номинально принадлежавшая Польше. Что самое интересное – хоть и плачутся нынешние прибалты о временах Совет-

ского Союза, но настоящую оккупацию они занимали как раз в те годы. Практически вся верхушка – немецкая, свою линию – жесткую, да что там говорить, жестокую – немцы гнуть умели. Латышам жилось тяжело.

Навстречу двое солдат за руки протащили стонущего человека с голой спиной, покрытой ужасными язвами. Явственно послышался запах горелого мяса. Я отвернулся, не в силах глядеть на отвратительное зрелище. Сразу бросило в жар. пытка здесь явление обыденное, применяется и к правым и к виноватым. Где гарантия, что не наговорю лишнего, за что можно распрощаться жизнью? Я, конечно, парень крепкий, но у всех есть предел. Опытный палач развяжет язык даже немому.

В животе разом потяжелело.

Меня ввели в небольшую комнату, поставили лицом к окну. Свет сразу ударил в глаза. После темноты одиночки солнечные лучи палили, будто лазерные пушки. Конвойный солдаты замерли как истуканы, прижав мушкеты к ногам.

Я увидел за столом Фалалеева вместе с худощавым мужчиной, который обмакнул гусиное перо в чернильницу и приготовился писать в толстой книге, похожей на амбарную. Понятно, первый – следователь, второй – писец. Сбоку загремел инструментом палач – дородный, в кожаном фартуке; другой – в ярко-красной поддевке, с прической горшком – ему ассистировал.

– Ступайте, – приказал Фалалеев солдатам.

Те развернулись и покинули помещение. Почему-то без них стало еще страшнее.

– Приступим к роспросу, – сказал Фалалеев. – Помни, что ложное слово твое будет противу тебя же обращено. Клянись, что не прозвучит здесь от тебя ни единой кривды.

– Клянусь.

– Знай, что целью нашей является возбудить в преступнике раскаяние и истинное признание, за что ждать тебя награда может милостию императрицы нашей Анны Иоанновны.

Ага, шаз, ищите дурака в другом месте. Надо быть полным идиотом, чтобы взвалить всю вину на себя на первом же допросе. Нет, я еще побрыкаюсь.

Фалалеев продолжил:

– Ежели будешь строптивым и непокорным – учти: за утаение малейшей вины – жестокое и примерное наказание, как за величайшее злодеяние. Укрывательство с твоей стороны будет тщетным, ибо правда нам всея известна! – Он потряс листами бумаги.

Я понял, что это отчеты Борецкого и его начальника. Буду рассчитывать, что ничего лишнего они не написали.

– Признаешься ты?

– Мне не в чем сознаваться. Моя совесть чиста, – спокойно произнес я.

Фалалеев скрестил руки на груди и задумался. У меня сложилось впечатление, что к допросу он не готовился, да и рассеянный взгляд наводил на мысль о том, что чиновник не так давно успел приложиться к бутылке.

– Что писать? – подал голос писец, которому надоело ждать, когда «шеф» очнется.

– Пиши, что увещевание не понял, – вяло откликнулся чиновник.

Писец бегом застрочил.

– Говори, кто таков, каких чинов, откуда будешь и веры какой? – опомнился Фалалеев.

Понятно, началась рутина. В принципе, ничего страшного на данном этапе нет, главное, не сболтнуть лишнего.

– Барон курляндский, Дитер фон Гофен, вера моя... – Я стал вспоминать, кем могли быть прибалтийские немцы. Понятно, что христиане, но какие именно? Так, католики отпадают, православные тем более... Рискну. – Лютеранская, – добавил я, надеясь, что заминка с ответом получилась незначительной.

Чиновник удовлетворенно кивнул, писец старательно заскрипел пером.

– Каково состояние твое?

Вряд ли меня спрашивают о самочувствии. Видимо, интересуются материальным положением. Так, что там Карл говорил...

– Имение моей матушки неподалеку от Митавы.

Если спросят, сколько душ – завалюсь. Я ведь понятия не имею, сколько фон Гофены народа под ярмом держат. Хотя Фалалеев тем более не в курсе.

– Возраст твой?

Хм, будем надеяться, что мы с Дитрихом погодки.

– Двадцать пять лет.

– Скажи нам, Дитер фон Гофен: что привело тебя в державу Российскую?

Вариант с иномирными, разумеется, отпадает.

– Желание послужить России и матушке императрице, Анне Иоанновне, – завернул я, памятуя слова Карла.

Фалалеев поморщился. Как все следователи, он без сомнения был циничен и смотрел на показания подозреваемых с большим скепсисом.

– А кто выступил твоим другом и сопровождаемым?

– Мой кузен Карл фон Браун, родом из Курляндии.

Правда, только правда и ничего, кроме правды. Первый раунд я продержался. Было бы глупо засыпаться на начальной стадии.

– Проверим, не говоришь ли ты неправду и не был ли в руках заплочных дел мастера, – задумчиво произнес Фалалеев. – Сымай рубаху.

Я разделся до пояса. Палач смочил руку и провел по голой спине.

– В палаческих руках не был. Нет ничего, – констатировал он.

– Не единого рубца? – расстроенно спросил Фалалеев.

– Вообще следов кнута нет. Спина чистая.

Я обрадовался, что Дитрих был законопослушным гражданином, иначе неизвестно, как бы повернулся допрос.

– Государево дело за ним такое... – Чиновник продиктовал список обвинений, затем вернулся ко мне: – Скажи, зачем учинил злодейство на дороге, убив капрала Преображенского полка Звонарского, лакеев его Жукова и Зорина, а иже с ними поручика полка Измайловского Месснера?

– Признаю себя виновным в смерти Звонарского и одного из лакеев, не знаю фамилии. Хочу заметить, что я вынужден был взять на душу грех, ибо застал этих людей за разбоем, учиненным над поручиком. В смерти Месснера моей вины нет. Его предательски застрелил кто-то, оставшийся неизвестным.

– Как смеешь ты, душегубец, клеветать на мужей достойных? – взвился Фалалеев.

– В моих словах неправды нет. Я говорю только то, что видел собственными глазами. Спросите Карла фон Брауна. Он подтвердит.

– У тебя еще будет возможность стать с ним с очей на очи, – заявил чиновник, намекая на очную ставку.

– Прекрасно. Тогда обратите внимание на рану поручика – его застрелили со стороны спины в то время, как я держал его на руках. Более того, при мне и оружия-то огнестрельного не было. Уверен, в показаниях свидетелей это отражено.

Фалалеев сверился с записями и наморщил нос. Судя по его недовольной роже, я был прав, с этим не поспоришь. Но деньги Огольцова отрабатывать надо.

– Запиши в протокол, что подозреваемый во всем запырался, как замерзлый злодей. Приступаем к розыску.

Палач лязгнул огромными клещами. До меня дошло, что под «розыском» понимается не что иное, как пытка. Сердце бешено заколотилось, по хребту прокатились капли холодного пота. Вот он – момент истины.

Писец удивленно посмотрел на чиновника и растерянно пробормотал:

– К розыску, Петр Васильевич? Так на то ведь дозволение Андрея Ивановича быть должно... Как без него-то...

– С Андреем Ивановичем я завсегда договорюсь, – спокойно произнес чиновник. – Давай-ка, Архип, на дыбу подвесь этого. Пущай на себя пеняет. Виска, она правду покажет.

Надеюсь, услышав эти слова, я не побледнел как мел.

Меня подтолкнули к дыбе, завернули руки за спину. Палач накиннул на них петлю, другой конец перекинул через крюк в потолке и резко потянул. Ноги оторвались от земли. В плечах что-то хрустнуло, от напряжения глаза едва не полезли из орбит, я ощутил страшную боль в выворачивающихся суставах и дико заорал. Так плохо мне еще никогда не было.

Глава 7

Я вопил как оглашенный, хрипел, хватая ртом воздух. Сил хватало только на то, чтобы не выдать себя с потрохами, не взять чужую вину, не навести поклеп. Ребра трещали, руки не ощущались, мышцы не справлялись с нагрузкой, тело пронизывала острая боль.

Ой, мама, не могу... не могу больше. Как больно! Скорей бы все закончилось... Гады, сволочи! Чтоб вас! И почему я?! Почему со мной?! Что же я такого сделал?! За что наказание?!

– А-а-а-а! – Сердце едва не выпрыгнуло из груди.

– Не говорил ли ты слов хулительных, сим заставив Звонарского руку на тебя поднять? – вопрошал раскрасневшийся Фалалеев. – Не поносил ли высокую монаршую особу? Неспроста же Звонарский противу тебя шпагу обнажил.

– Ничего такого я не говорил.

– Врешь, мерзавец.

– Отпустите. Нет на мне вины. Я лишь защищал свою жизнь... Больно мне... Что же вы делаете?!

Фалалееву очень хотелось превратить дело из уголовного в политическое. И что тогда? Смерть, вырывание ноздрей, каторга, Сибирь? Может, взвалить на себя все, признаться даже в том, чего не делал, лишь бы избавиться от муки? Нет, я должен бороться, чего бы это ни стоило. Старайтесь, старайтесь, скоты. Издевайтесь. Отольются кошке мышшкины слезки. Ой... больно, больно как! Меня же инвалидом сделают. Козлы!

Я отчаянно матерился, но ругательства лишь распаляли мучителей, наслышавшихся в этих стенах такого, что мне и не снилось. Вряд ли их удивили мои трехэтажные конструкции.

– Винись, а то огнем жечь буду! – рыкнул Фалалеев.

Я замычал как корова. На что-то другое при всем желании был уже не способен. Вымотали, скотобазы!

– Что, что он сказал? – подпрыгнул чиновник.

– Запирается, – смущенно произнес палач. – Ну да ничего, Петр Васильевич, я ему сейчас встряску устрою. Запоем, аки соловей в роще.

– Устрой, Архип, устрой, голубчик, – с очень нехорошими интонациями сказал Фалалеев. – И венчиком горящим по спине проведи.

Пришел черед удивляться палачу:

– Так то ж в третий раз положено.

– Делай, Архип, что сказано. Давай-ка встряхни субчика, – разозлился чиновник.

Я закрипел зубами. О том, что такое «встряска», мне доводилось читать: веревку висящего на дыбе слегка отпускают, потом резко натягивают, что может привести к переломам в локтях. Все, амба... Ноги вновь коснулись пола. Сейчас, сейчас... Я зажмурился, втайне надеясь, что умру от разрыва сердца и пытка закончится.

– В чем дело, Петр Васильевич? – от голоса вошедшего веяло энергией, добродушием и... огромной силой.

Я открыл глаза и увидел сжавшегося в комочек Фалалеева. Над ним нависал сухощавый мужчина высокого роста, со слегка вытянутым лицом, увенчанным высоким умным лбом, гладко выбритый, с почти незаметной ямочкой на подбородке (второй едва намечался); нос длинноватый, исчерченный на переносице поперечной складкой, со своеобразным, будто живущим собственной жизнью, кончиком. Под карими насмешливыми глазами круги, как у уставшего, хронически не высыпавшегося человека.

– Что за безобразие творите, господин Фалалеев? – вновь с почти искренней шутливостью спросил вошедший, но чиновник лишь нервно сглотнул и не сразу нашелся, что ответить.

– Мы, то есть я...

– Позвольте взглянуть в допросный лист. – Вошедший протянул руку. – Уж не по первым ли двум пунктам расспрашиваете? – Голос стал строже.

– Только подбираемся, Андрей Иванович. Злодей упирается, так мы его того... на дыбу, – опомнился Фалалеев.

Андрей Иванович... Понятно, к нам пожаловал собственной персоной начальник Тайной канцелярии генерал Ушаков. Фигура интересная, сумевшая усидеть в своем кресле, несмотря на все дворцовые перевороты. Это, знаете, о многом говорит. Непрост был Андрей Иванович, непрост...

– А меня спросить – что, забыли? – недобро прищурился Ушаков.

– Андрей Иванович, беспокоить не хотели. Вы ж двое суток здесь дневали и ночевали, только уехали к себе домой вчера по вечеру, зачем вас тревожить? Душегубец это, убил вместе с подручным сразу четырех, из них двух шляхетского рода.

– За что ж ты, ирод, людей жизни порешил? – заинтересовался генерал.

– Да за то, что они сами хотели меня на тот свет спровадить, – морщась от дичайшей боли, с трудом шевеля губами, произнес я.

Генерал полистал протокол допроса, нервно покусывая губы, вернул документы Фалалееву и коротко бросил:

– Не похоже, что брешет. Разве немец на такое пойдет? Тут нашим, российским духом пахнет.

– Вот мы и выясняем правду, – залебезил чиновник.

– Позаботьтесь повальный обыск у Звонарского на дому устроить.

– Всенепременно, Андрей Иванович, – кисло ответил Фалалеев.

– А немца снимите с дыбы, вправьте кости, покуда не поломали, – распорядился Ушаков. – Лекаря позовите, чтобы в порядок его привел. Токмо сами не вздумайте. Не столько лечите, сколько калечите. Слышь, Архип?

Палач закивал как китайский болванчик.

Ушаков продолжил:

– Обязательно хорошего медикуса кликните – Генриха Карловича. Я недалече его видел.

– Андрей Иванович! – взмолился чиновник.

– Что – «Андрей Иванович»?! – разозлился генерал. – Много на себя взяли, Петр Васильевич. Самоуправство это. Рази не так? А самоуправства я не потерплю. Бардак развели! Распустил я вас, окаянных, распустил. Раз ушел Ушаков домой, значит, твори что вздумается. Ан нет, выкусите. – Он сложил кукиш и сунул под нос Фалалееву. – Не на таковского напали, милостивый сударь. А ведь не думаете, что стоит мне только захотеть, и вы местами поменяетесь: тебя на дыбу подвешут, а его в канцеляристы определят. Так, Фалалеев?

– Что вы такое говорите, Андрей Иванович! – сокрушенно забормотал чиновник. – Я ведь всего себя на службу положил. Не корысти ради...

– Не знаю, Фалалеев, не знаю, – покачал головой Ушаков. – А вот ежели узнаю, то...

Он недоговорил, круто развернулся и вышел из застенка.

Палач меня больше не трогал, руки мои повисли безвольными плетями. Я стоял и покачивался – достаточно было дуновения сквозняка, чтобы свалить меня на каменный пол.

Фалалеев снял белый парик, промокнул большим шелковым платком вспотевший лоб и, переведя дух, произнес:

– Что-то сегодня генерал наш не с той ноги встал. То ли дочурка его ненаглядная – свет Катерина – коленце какое выкинула, то ли ее величество императрица недовольство проявили.

– Не выспался он, – пояснил писец. – Днюет и ночует на работе, все неймется ему, а возраст уже не тот. Сдает генерал наш, вот и злится. Так я пойду за дохтуром?

– А как же! Только обязательно Генриха Карловича сыщи, хучь из-под земли достань, а то Андрей Иванович голову мне оторвет.

Чиновник сплюнул и устремил на меня злобный взор:

– Повезло тебе сегодня, немчура поганая, ну да я все равно с тобой разберусь.

Я отвернулся, радуясь окончанию допроса. Если бы еще не онемевшие руки...

Писец сбегал куда-то и вернулся в компании суховатого старикана – и по виду и по манерам доктора, причем явно иноземных кровей, – который, осмотрев меня, пробормотал несколько малопонятных фраз на латыни.

– Положите его на лавку левым боком, – приказал лекарь.

Палачи поспешили выполнить распоряжение, распластав меня на широкой лавке. Доктор заботливо сунул под голову небольшой деревянный сундучок. Лежать было неприятно, но все же гораздо лучше, чем стоять.

– Пусть побудет пока в таком положении.

Я чувствовал, как под действием силы тяжести мышцы начинают расслабляться. Спустя несколько минут лекарь взял руку за предплечье, согнул в локте и оттянул книзу.

– Как вы? – спросил он.

– Ничего хорошего, – признался я, настороженно наблюдая за его манипуляциями.

– Не переживайте, молодой человек, ничего страшного не случилось: кости целы – это главное. А вывихи, о них вообще смешно говорить. Плевое дело, – заверил старичок. – Поверьте, у меня богатый опыт.

Я напрягся, чувствуя, что мне заговаривают зубы. Доктор покосился на меня и неодобрительно поцокал языком. Внезапно он вскинул голову кверху и воскликнул:

– Что это?

Я невольно отвлекся, посмотрев на потолок. Лекарь воспользовался этим – легким движением повернул согнутую руку сначала кнаружи, а затем внутрь, вставив плечевой сустав на место. Последовал щелчок.

– Мать вашу! – Я едва не умер от боли и шока.

Тело выгнулось дугой. Сейчас же на него навалились палачи, удерживая весом. Я бился на лавке, стучась головой о сундучок, и успокоился только тогда, когда болезненные ощущения прошли.

– Потерпите, милостивый государь. Полдела сделано. – Старичок подошел к жаровне и немного понаблюдал за пляшущими языками пламени. – Отдохните чуток, а потом продолжим.

Я лежал на спине с отрешенным видом, настраиваясь на неизбежное. Вроде понятно, что Генрих Карлович добро делает, но страшно до жути.

Таким же образом лекарь вправил и другую руку. Щелчок, электрический импульс в плече, приведший сердце в состояние ступора, и блаженный покой.

Я мысленно перекрестился, боль отступила. Попробовал пошевелить пальцами и понял, что руки ни капельки не слушаются.

– Недельки три-четыре покоя, и с вами будет все в порядке, – сказал довольный лекарь. – Организм молодой, сдюжит.

Интересно, дадут ли мне эти недели покоя или вновь потащат на допрос, как только Фалалеев порешает все вопросы с начальником?

Пока я предавался размышлениям, пришли конвоиры:

- Куда его девать? В старую камеру-одиночку али как?
- Бросьте его к дружку, фон Брауну. Пущай вместе сидят.
- А смотрение ему какое?

Очевидно, речь шла о режиме содержания.

– На первое время обыкновенное пущай будет, – бросил чиновник. – Но если правила нарушит, сразу на цепь сажайте.

В сказанном было столько ненависти, что ее бы хватило на целый город.

Меня снова провели по подвалу, подвели к камере, из проема выглянуло сонное лицо солдата, пропахшего селедкой и чем-то похожим на краску.

– Петров, принимай нового «хозяина», – весело сообщил конвойный.

Как я узнал позже, солдаты, прикрепленные к каждой из камер, «хозяином» называли заключенного, который в ней содержался.

– Тоже немец? – вздохнул Петров.

– Ага, барон курляндский фон Гофен, – подтвердил конвойный.

– Опять по-человечески не поговорить, – сокрушенно произнес Петров. – Немчик, что у меня сидит, только «вас» да «нихт ферштейн» лопочет.

– Нет, этот вроде как русский понимает.

– Да ну, – обрадовался Петров. – Давай-ка его скорее сюда. Он ведь после дыбы, пусть отлежится. А Карлу моего на розыск поведете?

– Пока не велено. Ушаков нынче злющий, дрозда канцеляристам дает. Фалалееву снова на орехи досталось. Не до розысков пока.

– А насчет жалованья что слышно?

– Задерживают пока. И денег, чтобы кормить арестованных, не дают. Двух копеек жалеют.

– Выходит, мне их за свои кровные харчевать? – расстроился Петров.

– А вдруг повезет? Может, они богатенькие, – предположил конвойный.

– Вряд ли, – сокрушался Петров. – Тот пацан, Карла, гол как сокол. Ежели были у него деньги, так при обыске все скрали. А вы проходите, барон, не стесняйтесь. Кто знает, сколько здесь проведете, – обратился он ко мне.

Меня ввели в камеру, пропахшую дымом, нечистотами и смрадом.

– Располагайтесь, – пригласил Петров. – Как говорится, чем богаты...

Небольшое окно, скорее похожее на бойницу, было закрыто решеткой и деревянным щитом. Тускло горела свечка. На затопленной печке стояли закопченные чугушки. В одном из них вкусно пахнущее варево помешивал большой деревянной ложкой второй солдат.

В углу на собранной в кучу соломе лежал Карл. Увидев меня, он вскочил и бросился с объятьями:

– Дитрих, брат, что с тобой сделали эти мерзавцы? Тебя пытали?

– Извини, Карл. Я страшно устал. Давай после поговорим.

С этими словами я свалился на солому и уснул.

Глава 8

Дни потянулись бесконечной вереницей – одинаковые, как две капли воды. На допросы водить перестали, я не знал – радоваться этому или огорчаться. Торчать в застенках десятки лет, подобно графу Монте-Кристо, не улыбалось. Впрочем, узников в Петропавловской крепости долго не держали, казематы служили чем-то вроде следственного изолятора. После вынесения приговора заключенные покидали стены Петропавловки, и хорошо, если отправлялись в ссылку. Тайная канцелярия штамповала один смертный приговор за другим. Хватало и таких заключенных, что не доживали до завершения следствия – они не выдерживали пыток и умирали, к тому же если узник не имел денег на посещение врача, то вполне мог загнуться от заражения крови, ибо основными медикаментами были водка, шкура свежеебитой овцы (ее клали на спину после пытки кнутом или огнем) и капустные листья, служившие для вытягивания гноя.

Нас с Карлом по-прежнему держали в одной камере под охраной трех солдат. Все они были рядового чина, но поскольку самым старшим по возрасту и опыту являлся Петров, его признавали за главного. Остальные попали на службу недавно: полгода назад новгородских парней оторвали от крестьянской сохи и забрали в рекруты. Караульные старались меняться так, чтобы двое постоянно находились при нас, а третий уходил в дом, где жил на постое, или отправлялся на рынок за продуктами.

В какой-то степени нам повезло. Солдаты не только охраняли, они еще и готовили еду на печке, стоявшей в камере, играли с нами в карты, травили байки и вообще вели себя весьма дружелюбно. Карл от безделья стал учить русский язык и весьма в том преуспел. К концу второй недели он вполне сносно общался, разве что не мог избавиться от сильного акцента и порой путал слова. Такие успехи в лингвистике объяснялись хорошей подготовкой, многие (не только благородного сословия) владели тремя-четырьмя языками. Можно сказать, это было нормой. Солдаты, слушая, как он коверкает слова, валялись от хохота, но Карл ежедневно практиковался и улучшал речь не по дням, а по часам. Случались дни, когда мы вдвоем вели на русском продолжительные беседы.

Общаться с другими узникам запрещалось, однако, поскольку Фалалеев назначил обыкновенный режим ожидания, разрешались визиты родственников, передачи с воли продуктами или деньгами. Более того, состоятельные заключенные позволяли себе заказывать обеды в расположенной неподалеку австерии.

Увы, последние наши деньги пропали сразу же после ареста, бесполезно даже заикаться о том, чтобы их вернули. Карл, Впрочем, сильно не огорчился. С его слов следовало, что мы порядком издержались за время долгой дороги в Санкт-Петербург, так что в кошельках находилось несколько жалких медяков.

Главной проблемой стала кормежка. На содержание арестованных казна отпускала две, в лучшем случае три копейки в сутки. На эти деньги надо было покупать продукты, дрова, свечи, а цены в Питере, где почти все привозное, не отличались умеренностью. На одну копейку на рынке можно купить фунт плохонького мяса, попросту говоря костей. К тому же выплата средств производилась с изрядной задержкой, так что скоро замаячила перспектива голода.

– Вот что, хозяева, – сказал однажды Петров, – если хотите жрать, придется кому-то из вас отправиться за город христарadniчать.

– Что значит за город? – не понял я.

Смысл последней фразы был понятен без разъяснений.

– Из крепости выйти, – спокойно пояснил солдат. – Под конвоем, конечно. Будете милостыню просить, иначе скоро у вас кишка на кишке плясать будет. Мы кормить постоянно не можем. Никаких порционных не хватит на эдакую ораву.

Меня передернуло. Понятно, что голод не тетка, но собирать милостыню... Я и раньше не мог представить себе, что смог бы опуститься до такого. Слишком унижительно, даже для меня, циничного и наглого уроженца двадцать первого века. И та часть, что, возможно, принадлежала настоящему Дитриху, сразу запротестовала.

– Я лучше умру, – вывалось у меня.

– В том то и дело, что умрете, ежели кушать как положено перестанете, – покосился Петров. – После пыток нутро мясца просит, чтобы все хорошо срасталось, а у вас даже круп и тех не осталось.

– Все равно, – сказал я, не вставая с сена.

Дела вроде шли на поправку. Хотя скованность движений не исчезла, простейшие манипуляции я уже мог проделывать без помощи Карла. Стоит отметить, что юноша очень помог мне в это время. Такой самоотверженной отдачи, доброты и самопожертвования от парнишки, в сущности, я не ожидал. Вот только отблагодарить нечем.

Карл тоже отказался от похода за милостыней.

– Воля ваша, – вздохнул Петров.

На следующий день в мисках плескалась прозрачная жижа, больше походившая на кипяченую воду, нежели на суп. Я зачерпнул ложку, попробовал и скривился. Действительно кипятком, разве что на дне лежало несколько разварившихся крупинок да на поверхности плавали непонятные травинки.

– Это есть невозможно. – Карл тоже отодвинул свою плошку в сторону. – Я обычно не привередлив, но это не еда.

– Другой нет. – Петров скорчил грустную мину.

Сам он жевал сухарь, однако не спешил с нами делиться.

– Может, у нас в Петербурге имеются какие-нибудь родственники или знакомые? – с надеждой спросил я.

– С ними тоже плохо, как и с деньгами, – грустно ответил Карл.

Еще через день в супе уже не было ни крупы, ни травы. Да и дров осталось совсем немного, а без них в сырой холодной камере просто не выжить.

«Что за скотство, – думалось мне, – мало того, что в тюрьму посадили, так еще и о содержании не заботятся. Крутись как хочешь».

Дрова закончились к середине третьей недели. Солдаты грелись, не снимая епанчей – так называли плащи без рукавов, которые выдавались в холодное время, – у нас с Карлом осталась только отсыревшая солома. Отношение караульных резко изменилось. От бывшего добросердечия не осталось и следа. Выяснилось, что мы находимся полностью в их власти. Караульный имел полное право избить заключенного, связать или посадить на цепь. Лишь бы был повод, впрочем, если его не имелось, всегда можно к чему-то придаться. Особенно они не зверствовали, но даже их бездействие усугубляло наше положение.

Карл рискнул сыграть с ними в карты на деньги и... проигрался. Теперь мы еще и были должны.

Я сильно простудился и заболел. Поднялась температура, тело горело, будто на сковороде. Карл как умел ухаживал за мной, но его усилия в итоге шли насмарку. Он просил, чтобы вызвали лекаря из Медицинской канцелярии, но дежурный офицер, регулярно навещавший арестантские камеры, сказал, что без денег меня не осмотрят. Его сменщик подтвердил то же самое. Огольцов, чья очередь пришла в один из дней, когда мне совсем стало худо, лишь довольно рассмеялся.

– Пускай подышает как собака, – осклабился он. – В противном случае я сам бы его убил.

Я почти впал в бредовое состояние, и тогда кузен не выдержал. Он согласился пойти за милостыней.

Не знаю, сколько его не было в камере. Я находился в это время в отключке. Как выяснилось, «выход за город» окончился фиаско. Горожане не желали давать милостыню немцу, попавшему в затруднительное положение. Иноземцы и те презрительно фыркали и отворачивались.

Карл принес два вареных яйца и луковицу. Он по-братски разделил со мной скромную трапезу, но еды не хватило даже на то, чтобы приглушить обострившееся чувство голода.

Немного погодя свалился и Карл. Мы лежали на сырой соломе, метались в бреду. Солдаты из жалости накрыли нас кожаной дерюгой. Организмы сгорали как свечи.

Но ситуация изменилась, когда я уже решил, что точно протяну ноги. Казалось, судьба наша была окончательно решена. Однако в один погожий денек у нас появился покровитель, вернее, покровительница.

Кому-то это покажется странным, но женщины допускались в казематы практически свободно. Кое-кто даже подкупал охранников и проносил арестантам запрещенные вещи – в частности, чернила и письменные принадлежности. Однажды к нам по ошибке заглянула молодая монашка. Ее брата арестовали и поместили в крепость, женщина хотела навестить его с передачей, но случайно перепутала камеры. Увидев, что мы в тяжелом состоянии, монашка пришла к вечеру с едой и лекарствами. Петров не стал препятствовать.

Не знаю, чем она нас отпаивала, но вскоре мы почувствовали себя гораздо лучше. Руки стали послушны, я поднялся на ноги. Карл тоже быстро поправился. Мы были безмерно благодарны женщине. Звали ее Еленой. Черные одеяния скрывали фигуру и лицо, но чувствовалось, что монахиня немногим старше Карла. И за ним она ухаживала по-особенному, явно выделяя.

– Он похож на моего младшего брата, – сказала как-то раз Елена.

– На того, что сидит? – с сочувствием уточнил я, зная, что арестованный родственник монашки скоро пойдет на вторую пытку.

– Нет, другого. Тот, что арестован, – старшенький наш, а младшего Васей зовут, по фамилии Нестеров. Купеческие люди мы. Его забрали в войска, и никто не знает, что с ним случилось, – вздохнула Елена. – Как бы плохого чего не произошло. Боязно мне.

Выяснилось, что армейское начальство не утруждалось отправкой похоронок родственникам рядовых чинов, разве что если погибшие происходили из знатных семей. Жена-солдатка могла годами не знать, что муж давно уже похоронен в сырой земле.

«Непорядок, – подумал я. – Если каким-то чудом смогу вырваться из застенка и сделать карьеру в армии, вот с чего стоит начать преобразования. Не должны люди томиться в неведении. Внимание к ним – основа любого успеха».

Прошло уже больше месяца с нашего ареста. Наступила осень. Зажелтели листья, пошли непрекращающиеся дожди. Влаги и сырости стало еще больше. О переменах в природе мы узнавали на редких прогулках по территории крепости, в основном когда нас водили к отхожему месту. Другим развлечением было посещение церкви, находившейся на территории Петропавловской крепости. Хотя Карл и не являлся православным, ему очень нравилось там бывать. Выходил он одухотворенным и очень задумчивым.

По-прежнему мы просто сидели в камере, изнывали от скуки, радуясь как празднику приходам Елены, или Леночки, как любовно стал называть ее Карл. Похоже, он действительно влюбился в благодетельницу. Он стала его отдушиной среди мерзких дней и ночей в опостылевшей хуже горькой редьки тюрьмы.

Допросов все еще не было. Я видел мельком Фалалеева, когда Петров конвоировал нас с Карлом к храму. Чиновник уставился на меня, сразу узнал, но почему-то припустил в другую сторону, будто я прокаженный.

Жизнь имеет обыкновение меняться, причем не сразу понятно – к лучшему или наоборот. Как-то раз меня все же вызвали из камеры. Сердце сразу екнуло. Прошлый допрос не раз снился в кошмарах. Я вскакивал в холодном поту, крестился и с трудом засыпал снова. Повторные пытки могли оказаться мне не по силам.

Но солдаты не повели меня к застенкам. Мы прошли по длинному коридорчику, вдоль которого находились восемь невзрачных конторок. За каждой кипела работа, шли допросы, писались бумаги. Как я узнал немногим спустя, в штате Тайной канцелярии, вместе с московским отделением, состояло всего двадцать с небольшим человек, включая писарей, протоколистов и катов. Тем не менее казалось, что щупальца этого спрута раскинулись по всей России.

Меня ввели в просторный кабинет. За огромным письменным столом, уставленным предметами непонятного назначения, восседал Ушаков. За спиной его горел камин, весело потрескивая дровами.

Он отпустил солдат и, не страшась возможного нападения с моей стороны, предложил присесть на лавку. Впрочем, Федор Иванович действительно ничего не боялся, поскольку мог в одиночку скрутить практически любого заключенного. За невероятную физическую силу его не раз называли Ильей Муромцем. Если бы он захотел, то сломал бы мой хребет поперек колена.

– Небось, соскучились по нам, барон, – с улыбкой сказал Ушаков.

– Не очень, господин генерал, – искренне ответил я.

– Верю, верю, – закивал великий инквизитор. – И перестаньте обращаться ко мне как к генералу. Можете звать меня по-простому, Андреем, по батюшке Ивановичем.

– Понял, Андрей Иванович.

– Вот и чудесно. Гадаете, верно, с чего бы это роспросы ваши прекратились...

– Есть такое дело, Андрей Иванович.

– А ведь мы зря время не теряли. Покуда вы в камере прохлаждались, людишки мои совсем с ног сбились.

Хотел бы я, чтобы он сам так в камере «прохлаждался». Но губы мои лишь изобразили нечто вроде понимающей улыбки.

– И представьте себе – нашли массу любопытных вещей, – продолжил Ушаков. – По всему выходит, что, убив Звонарского, вы оказали императорскому дому значительную услугу. Туда ему, сукину сыну, и дорога.

– Что это может означать для меня и моего кузена? – спросил я, подавшись вперед.

– А вот тут дело сложное. Убийство ведь было, значит, должны вы какое-никакое, а все ж наказание понести. Я буду думать над решением по вашей судьбе, а оно зависит от того, что вы решите для себя.

– Простите, Андрей Иванович, мне пока ничего не понятно. Что я могу решить в этой ситуации?

– Я сделаю вам предложение, от которого вы вольны отказаться.

– Что за предложение, Андрей Иванович? – пристально поглядел я на генерала.

– Нам нужны надежные, – он выделил это слово, – люди. Много скверны и лиходейства творится в отчизне, наша цель – выкорчевать все, чтобы даже семени не осталось.

– Хотите, чтобы я сотрудничал с Тайной канцелярией?

– Нештатно, нештатно, дорогой барон. Вы ведь наверняка стремились в Россию, чтобы сделать карьеру. Считайте, вам повезло. Я помогу вам, Дитрих: сделаю так, чтобы вас зачислили в списки, скажем, лейб-гвардии ее императорского величества Измайловского полка.

Вы курляндец, вас примут с распростертыми объятиями. К тому же вы пытались спасти поручика Месснера, а он был измайловцем, значит, любовь товарищей вам обеспечена. Более того, в моих силах добиться для вас офицерского патента и прохождения баллотировки. Организовать нужную вакансию в полку весьма просто, – Ушаков произнес это так, что сразу стало понятно: чтобы внедрить меня в Измайловский полк, он не остановится даже перед убийством.

– И что я должен буду делать, служа в этом полку?

– Самой главной обязанностью будет пресечение смуты. Услышать, как кто шепчет крамольные речи, плетет заговоры супротив матушки Анны Иоанновны или приближенных ее. Более того: если кто-то покажется вам колеблющимся, подтолкните его к принятию решения, чтобы мы смогли взять голубчика, куда тот не натворил немалых бед.

Понятно, из меня готовят информатора и... провокатора. «Достойное» начало карьеры, Игорь Николаевич. Зато сколько препон сразу будет преодолено: выйду из тюрьмы, заручусь покровительством на очень высоком уровне, стану офицером, перепрыгнув большую планку, смогу предотвратить грядущий заговор. Как все изумительно складывается, какой подарок, прямо-таки рождественский!

– Нет, Андрей Иванович, – твердо объявил я. – Прошу извинить покорно, но вашего предложения принять не могу.

Глава 9

Наступила долгая тревожная пауза. Ушаков задумчиво смотрел на меня, сжимая и разжимая кулаки. На лице его отражалась широкая гамма чувств – от раздражения до недоумения.

Я сидел ни жив ни мертв. Если всесильный глава Тайной канцелярии обрушит весь гнев на несчастного фон Гофена, от меня и мокрого места не останется.

Ушаков откинулся на спинку высокого кресла и безапелляционно заявил:

– Подумайте, барон, хорошенько подумайте. Второго раза не будет. Я предложениями не разбрасываюсь. Многие приняли бы, не раздумывая.

– Очень хорошо вас понимаю, однако решения не изменю, – заикаясь, произнес я, холодея от проявленного безрассудства.

Мысль о том, что этим я могу поломать и жизнь Карла, пришла в голову значительно позже.

– А не боитесь, барон, что после отказа я велю, скажем, закопать вас живьем? – сухо осведомился генерал.

– Очень боюсь.

– Тогда в чем дело? – Генерал нахмурился. – Почитаете нашу службу бесчестьем?

– Помилуйте, Андрей Иванович. Разве может служение родине быть бесчестьем? Но ведь не всегда известно, когда ты служишь стране, а когда выступаешь марионеткой в чужих руках.

– И за меньшие слова люди языков лишались. С огнем играете, фон Гофен, – покачал головой Ушаков. – Боюсь, мой долг возбудит супротив вас новое расследование.

– Что это вам даст, Андрей Иванович? Ну, повеселятся ваши каты: ребра переломают, мясо кнутами вырвут, иголки под ногти позагоняют. И что? Каков будет результат? Сломать меня не проблема, и не такие у вас после пыток ноги целовали. Натешите самолюбие, а какая от того польза стране выйдет?

– Одним болтливым наглецом станет меньше, – просто констатировал Ушаков.

– И все? Стоит ради этого запускать государственную машину? Неужто нет дел поважнее? Все воры пойманы, предатели по дубам развешены, а иностранные шпионы в казематы посажены... Все, Андрей Иванович?

– Это упрек? Да я тебя... – Ушаков побелел от злости, – в порошок сотру, мерзавца эдакого.

– Постойте, не наломайте дров, господин генерал. Простите мою вольность. Я никоим образом не хотел задеть ваши чувства.

Ушаков быстро взял себя в руки и заговорил спокойным тоном:

– Тогда как прикажете понимать?

– Вопрос в том, кто вам нужен, Андрей Иванович. Если ищете доносчика, презираемого всеми, в том числе и товарищами, то я не являюсь подходящей кандидатурой. Бегать в Тайную канцелярию с криками «Слово и дело» из-за того, что кто-то по глупости ляпнет что-то не вполне подходящее в адрес императрицы или членов ее кабинета, – не для меня. Уверен, вы завалены такими делами и сыты по горло.

Ушаков улыбнулся. Я все же задел струнку в его душе. Действительно, львиная доля расследований в Тайной канцелярии, и без того небольшой по штату, приходилась на откровенную ерунду. Порой случались по-настоящему анекдотические случаи, но чиновникам приходилось тратить время, деньги и прочие важные ресурсы на полноценное следствие с привлечением свидетелей, тремя пытками и прочими стандартными процедурами. За рутинной от внимания инквизиторов ускользали действительно важные вещи – реальные, нена-

думанные заговоры, интриги иностранных дипломатов, разыгрывавших свои партии при дворе, да что говорить – государственные перевороты, делавшиеся силами нескольких сотен гвардейцев.

– Я недавно прибыл в Россию, – продолжил я, – но уже успел оценить «гостеприимство» вашего учреждения.

Генерал усмехнулся.

– Чем богаты... – сказал он. – Похоже, до меня начинает кое-что доходить. Быть доносчиком вы не желаете, но от сотрудничества, кажется, не отказываетесь. Набиваете себе цену, барон?

– Можно сказать и так, Андрей Иванович. То, что вы предлагаете, – не мой уровень.

– Неужто на место мое замахиваетесь? – с иронией спросил Ушаков.

– Не по Сеньке шапка. Надеюсь, я правильно применяю эту русскую поговорку?

– Скажем так, ошибок за вами я пока не замечаю, – кивнул генерал.

– Тогда я объясню свою позицию.

– Окажите милость, – опять заулыбался Ушаков.

А мужик-то с юмором, подкалывает в нужный момент. И чувствуется, что заинтересовался. Постараюсь, чтобы рыбка с крючка не спрыгнула.

– Не сомневайтесь, я знаю себе цену, но не собираюсь требовать денег, чинов и привилегий. Нет-нет, – я поспешил предупредить ехидное замечание Ушакова, – меня с полным основанием можно назвать честолюбивым карьеристом, но всякая милость с вашей стороны быстро обратит внимание тех, кому лучше бы держаться в неведении. Я буду пробиваться сам. Если действительно увижу угрозу стране и престолу, приду к вам и расскажу все, что знаю. Но роль мелкого шпика не для меня. Уж извините. Это все равно что палить из пушки по воробьям.

– Вы ведь из немцев, фон Гофен. Почему я могу вам доверять?

– Очень просто: я решил связать судьбу с Россией, поэтому буду служить ей до последнего вздоха. Простите за пафос, но это так.

Задумчивость во взоре генерала снова сменилась живым интересом.

– Что-то в вас есть, фон Гофен, правда, пока не понимаю, что именно, – проницательно заметил он.

– Что вы! – удивленно сказал я. – Человек я самый рядовой.

– А вот тут я с вами не соглашусь. Станный вы, барон, зело странный, но странность эта искусно маскирована. Не могу вас раскусить вот так, с пылу с жару. Ну да ничего. Человек вы вроде невредный, и какая-то польза от вас непременно должна быть. Я подумаю над вашими словами.

Взгляд Ушакова понижывал, будто рентген, казалось, генерал читает мои мысли. Человек, занимавший такой высокий пост, просто обязан иметь хорошую интуицию, иначе не выжить, но у Андрея Ивановича она была не просто хорошей – я бы назвал ее потрясающей. Не знаю, что он чувствовал, но мне было весьма не по себе.

– Вижу, беседа наша подошла к концу. Не стану неволить вас, барон. Я бы, конечно, мог заставить вас следовать только моим директивам, но боюсь потерять на этом больше, чем приобрести.

– Спасибо за разговор, Андрей Иванович. Перед тем как меня уведут, скажите: что будет со мной и моим кузеном? – я не мог не задать этот главный вопрос.

– Скоро узнаете, – многозначительно произнес Ушаков, прежде чем вызвать караул.

Я вернулся в камеру. Не находивший себе места Карл успокоился, увидев, что со мной все в порядке. День прошел как обычно, а вот наутро нас ожидал сюрприз.

Еще до первых петухов дверь камеры распахнулась. На пороге стоял сержант-измайловец. Благодаря караульным я научился довольно сносно различать мундиры полков, так

что определял теперь практически с лету – особенно гвардейцев. Правда, отличий между унтер-офицерами в одежде не имелось, что сержант, что капрал одного полка одевались одинаково. Но этот представился, видимо гордясь должностью.

– Господа фон Гофен и фон Браун, прошу привести ваши костюмы в порядок и следовать за мной, – тоном, не терпящим возражений, объявил он.

– Что это значит? – спросил я, теряясь в догадках.

– Вы свободны. Всякая вина с вас снята. Пройдемте в канцелярию, дабы уладить формальности и подписать бумаги о неразглашении тайны.

Не веря в происходящее, мы с Карлом пулей вылетели из камеры, ожидая вдогонку криков или выстрелов в спину, но все обошлось. Подписав все, что требовалось, и заверив, что будем строго блюсти все тайны, мы поспешили покинуть Тайную канцелярию, пока никто не передумал.

За воротами крепости стояла закрытая карета.

– Садитесь, – приказал сержант.

– Но ведь мы свободны и вольны поступать как заблагорассудится, – удивился я.

– Садитесь, – настойчиво повторил сержант. – Это в ваших же интересах.

Мы с Карлом переглянулись и, не сговариваясь, полезли в карету. Терять все равно было нечего: без рекомендательных писем, которые в канцелярии испарились вместе с деньгами и некоторыми предметами гардероба, перспективы вырисовывались безрадостные. Хорошо хоть шпаги сохранились. Судьба наших коней тоже оказалась скрытой в тумане. Похоже, кому-то из окрестных крестьян повезло заполучить в хозяйство парочку отличных лошадей.

Сначала нас отвезли в баню – я не мылся больше месяца и с восторгом принялся парить себя веником. Карл впервые столкнулся со странной процедурой русского мытья и долго не мог оценить ее по достоинству. Он очень удивлялся тому, что я балдею от этого «варварства». А когда истопник окатил его ушатом ледяной воды, кузен едва не проделал в незадачливом мужике лишнюю дырку.

Из парилки мы вышли красными как вареные раки, без сил свалились на деревянные лавки и поняли, что умираем от жажды. Проблема решилась мигом. Нам преподнесли по здоровенному ковшу кваса, и тогда я понял, что попал на небеса.

Сержант положил на лавку две нателные рубахи и две пары портов. Если Карлу белье пришлось впору, то на мне все угрожающе трещало и местами рвалось. Я уже обратил внимание, что по здешним меркам был все равно что великаном, возвышаясь над всеми почти на голову.

– Ваша одежда пришла в негодность, – сообщил сержант.

– Тоже мне новости, – хмыкнул я.

Длительное пребывание в сырых и холодных застенках вряд ли смог выдержать даже спецкомплект химзащиты из двадцать первого века, что говорить про наши штаны и камзолы.

– Я купил кое-что из готового платья, – не обращая внимания на иронию в моих словах, произнес измайловец.

– Спасибо, конечно, но у нас нет денег. Не представляю, как буду с вами рассчитываться, – вздохнул я.

– Ничего страшного. Мне выдана денежная сумма для этих целей, – со стоическим спокойствием пояснил сержант.

– Кем выдана? – заинтересовался я, но измайловец почему-то не стал отвечать.

Обсохнув и переодевшись, мы вышли на улицу. Солнце стояло высоко, обогревая не по-осеннему теплыми лучами.

Мы поехали в сторону Васильевского острова. Я с любопытством посматривал по сторонам, понимая, что этот город очень отличается от привычного Петербурга, начиная с того, что один из самых прекрасных уголков любимого города был пока на две трети занят лесом, а добрая половина встреченных домов стояли пустыми, без окон и дверей, подвергаясь неминому разрушению.

Карета подъехала к красивому двухэтажному каменному особняку, окруженному густым ельником. Стены покрывала штукатурка, крыши были уставлены печными трубами из красного кирпича. Мы спрыгнули на деревянную мостовую и сразу оказались объектом внимания вооруженных гвардейцев, охранявших дом. Судя по тому, что их было человек десять, не менее, я понял, что нас привезли к какому-то знатному вельможе.

Мы вошли через высокие, покрытые темным лаком двери, по верхнему уровню которых с обеих сторон расположились круглые оконца, и оказались в вестибюле с полом, напоминающим шахматную доску. Сводчатые потолки сияли белизной побелки и были украшены лепниной с непонятным узором. Ряды ступенек, выстроившихся полукругом, вели к арке. За ней начиналась широкая лестница с железными перилами.

Возле арки стоял дворецкий в зеленом камзоле и жилете из золотой парчи, обутый в мягкие туфли. Он скорчил любезную мину и сообщил, что хозяин особняка приглашает навестить его и составить «кумпанию» в кабинете.

– А как зовут твоего господина? – придержав слугу за рукав нарядного камзола, расшитого золотыми нитями, спросил я.

Дворецкий смерил меня удивленным взглядом:

– Разве вам не сказали?

– К сожалению, нет.

– Мой хозяин – господин лейб-гвардии подполковник Измайловского полка и генерал-адъютант ея императорского величества Густав фон Бирон, – с гордостью сообщил дворецкий.

Глава 10

Пришло время ненадолго оторваться от повествования и рассказать о человеке, с которым нас свела судьба.

При Анне Иоанновне служили сразу три Бирона – три родных брата. Если кто-то представляет их саранчой, слетевшейся на жирные российские уголья, то делает большую ошибку. Самый старший – Карл, возраст его перевалил за пятый десяток – был армейским генералом, хорошо зарекомендовавшим себя во многих походах. Ему не раз поручали ответственные задания по снабжению русских войск, и горе было тем казнокрадам и недоимщикам, что попадались на его пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.